

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Елена Арсеньева
Воронья ведьма
Дверь для призраков
Злая вода

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Москва
2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Pavel Chagochkin, Potapov Alexander / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

В коллаже на переплете использованы иллюстрации:
© kardosildistock, Pixel-Shot / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Большая книга ужасов 87 / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-04-094087-5

Есть несколько простых правил. Все знают о них, но соблюдают почему-то не всегда. Не ходи ночью на кладбище. А если уж пришел — не читай над могилой ведьмы старинное заклинание! Держись подальше от пустых, таинственных, странных домов. Не плыви на проклятый, затянутый туманами остров...

Есть правила, очерчивающие границы реальности. Преступив через них, герои этой книги лицом к лицу встречаются с неизведанным. Сверхъестественным. И вступают в битву с отнюдь не добрыми силами. Кто выйдет победителем из этой схватки?

В сборник вошли три повести Елены Арсеньевой, две из которых — «Воронья ведьма» и «Злая вода» — печатаются впервые.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-094087-5

Воронья ведьма

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают вороны...

Николай Гумилёв

...Человек, сидящий за письменным столом, насмешливо поглядел на свой указательный палец, испачканный в чернилах. Он не любил компьютеров и всегда пользовался только ручкой с пером — а ведь при этом невозможно не перепачкаться чернилами. Ну что ж, главное — клякс на страницы не насажать!

И он продолжил писать:

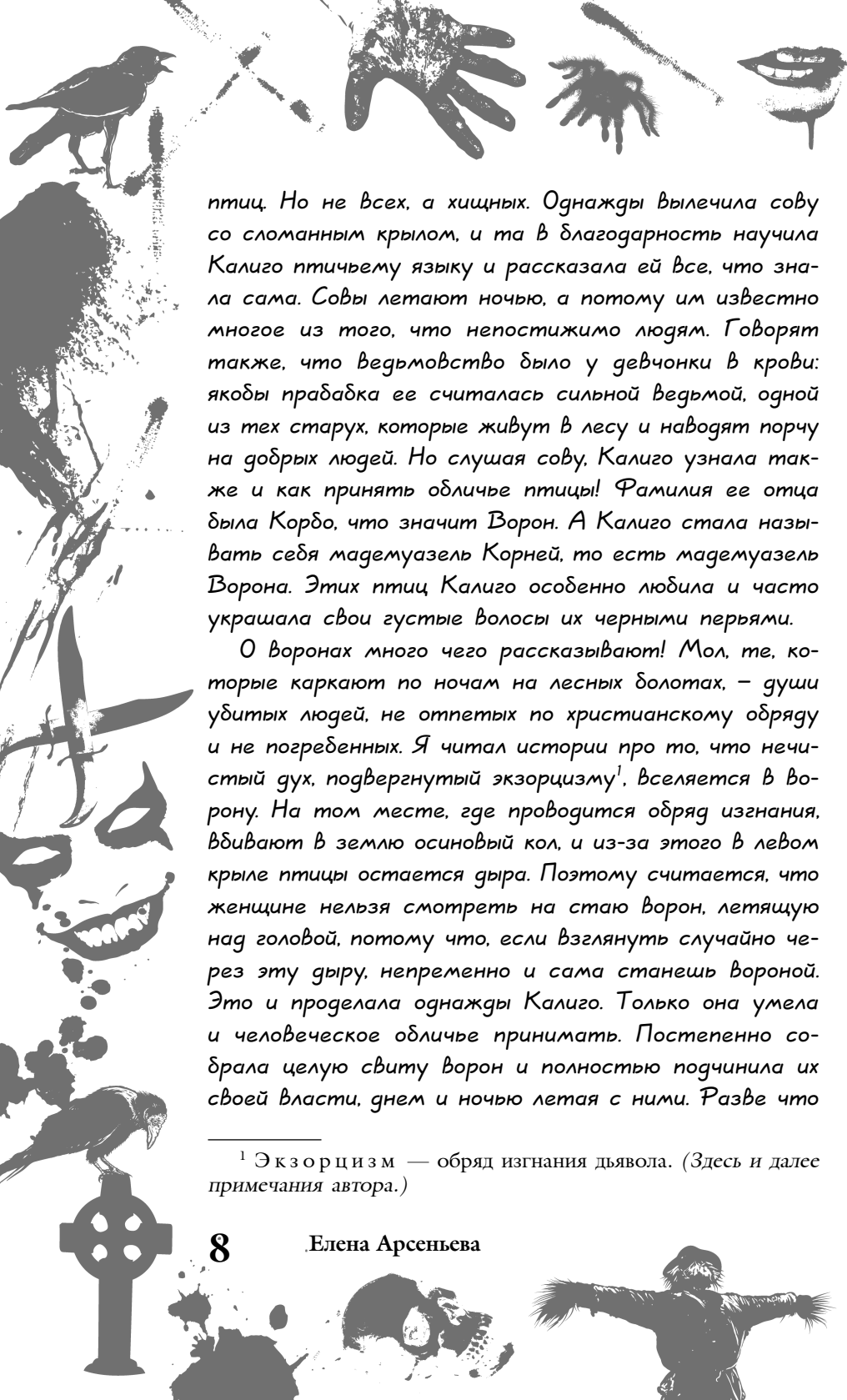
Как говорят в народе: если человек чихнет и никто не скажет ему «Да благословит тебя бог!» – власть над ним приобретет ведьма. Не иначе что-то подобное произошло с родителями Калиго Корней. Не пойму, что было у них в голове, когда они дали ей такое имя! Судя по некоторым сведениям, ее отцу – а он служил писарем у какого-то графа, ну и возомнил себя ученым – очень нравилась латынь. Почему из множества красивых латинских слов он выбрал то, которое означает «тьма», не знаю. Не пошла ему на пользу ученость, да и дочке беду принесла!

Калиго всегда была странная, дикая какая-то, хоть и красивая – по слухам, глаз не отвести. С людьми и животными она не очень-то ладила, зато любила

Воронья ведьма

7

птиц. Но не всех, а хищных. Однажды вылечила сову со сломанным крылом, и та в благодарность научила Калиго птичьему языку и рассказала ей все, что знала сама. Совы летают ночью, а потому им известно многое из того, что непостижимо людям. Говорят также, что ведьмовство было у девчонки в крови: якобы прабабка ее считалась сильной ведьмой, одной из тех старух, которые живут в лесу и наводят порчу на добрых людей. Но слушая сову, Калиго узнала также и как принять обличье птицы! Фамилия ее отца была Корбо, что значит Ворон. А Калиго стала называть себя мадемуазель Корней, то есть мадемуазель Ворона. Этим птиц Калиго особенно любила и часто украшала свои густые волосы их черными перьями.

О воронах много чего рассказывают! Мол, те, которые каркают по ночам на лесных дологах, — души убитых людей, не отпетых по христианскому обряду и не погребенных. Я читал истории про то, что нечистый дух, подвергнутый экзорцизму¹, вселяется в ворону. На том месте, где проводится обряд изгнания, вдвигают в землю осиновый кол, и из-за этого в левом крыле птицы остается дыра. Поэтому считается, что женщине нельзя смотреть на стаю ворон, летящую над головой, потому что, если взглянуть случайно через эту дыру, непременно и сама станешь вороной. Это и проделала однажды Калиго. Только она умела и человеческое обличье принимать. Постепенно собрала целую свиту ворон и полностью подчинила их своей власти, днем и ночью летая с ними. Разве что

¹ Экзорцизм — обряд изгнания дьявола. (Здесь и далее примечания автора.)

В грозу в образе женщины сидела дома или в обличье птицы пряталась где-нибудь под стрехой¹ — страшно боялась молнии и грома: они на время лишали ее сил.

Много зла совершила она со своими воронами, но, как говорится, даже ведьма может упасть с метлы — то есть и ей беды не миновать, и она непременно поплатится за свои злодеяния. Так и случилось, когда перехлестнулись пути Калиго Корней и Дэвэна Марсо...

Человек перечел последние строки и кое-что в них поправил, стараясь делать это как можно аккуратней. Закончив свою работу, он отдавал ее в перепечатку, но почерк у него был не самый разборчивый, и женщина, набирающая на компьютере его труды, немало из-за этого ворчала.

Доминик Съекль — так звали этого человека — был историком и читал не только старинные книги, но и манускрипты: дневники, письма, воспоминания, написанные людьми, которые жили годы, десятилетия, века назад. Манускрипты — это рукописи, а рукописи, разумеется, пишутся от руки. Выводя буквы ручкой с пером, Съекль ощущал особую близость с теми временами и событиями, которые он описывал. Но больше всего его интересовал фольклор: сказки, легенды, таинственные истории, суеверия, приметы. Он объездил всю Францию, собирая материалы для своих книг. Та, над которой Съекль работал сейчас, называлась «Суеверия департамента Йонн»².

¹ Стреха — нижний свисающий край крыши (старин.).

² Йонн (Йонна) — департамент на востоке Франции, в Бургундии. Именно в нем находятся населенные пункты, которые будут упомянуты в этой повести.

Наследство Колдуна Марсо

В старом доме было душно и пахло книжной пылью. Да, здесь хранилось множество старых книг: на стеллажах — в два ряда тома и томики, на письменном столе — стопки журналов и газет, множество книг упаковано в картонные коробки... Но то, что искал Адриан, находилось на чердаке.

Он сбросил рюкзак, отер пот со лба, но ни окно, ни ставни, которые тоже открывались изнутри, трогать не стал: если соседи узнают о его приезде — суеты не оберешься! Ему всегда нравились приветливые, гостеприимные жители Френа, этой уютной бургундской деревушки, но сейчас появление кого-нибудь из них и расспросы о том, как окончил коллеж, в каком лице¹ будет теперь учиться, и тому подобные, были бы некстати. Адриану не терпелось приняться за дело: еле выдержал двухчасовую дорогу на поезде от Парижа до Тоннера, жалея, что на этом направлении нет экспресов TGV², а потом почти бежал двенадцать километров до Френа. Автобусы от города к деревням уже сто лет не ходят: зачем, если у всех машины?

Родители, конечно, нашли его записку и удивляются: с чего это сын вдруг сорвался один во Френ, куда раньше не больно-то любил ездить? Наверняка они ему названивали, но Адриан предусмотрительно выключил телефон, едва выйдя из дому. И даже в поезде его не включал. Думал о будущем...

¹ Во Франции дети с 6 лет учатся в начальной школе, с 11 лет посещают коллеж, а с 15 — лицей.

² TGV — Train a Grande Vitesse (франц.) — французская сеть скоростных электропоездов.

О будущем, которое должно стать прекрасным!

От усталости и волнения пересохло в горле. Попив из бутылки, которую взял с собой, Адриан начал подниматься на чердак. Воды осталось мало, его мучила жажда, но возиться с электронасосом не хотелось. Чтобы включить насос, нужно пройти в погреб, но вход туда находится с торца дома: есть опасность попасться на глаза вездесущей мадам Вуляр, которая вечно возится в своем садике, где ничего толком не растет, потому что она больше смотрит по сторонам, чем на грядки и клумбы.

С половины скрипучей лестницы пришлось вернуться и взять из рюкзака фонарик. Сигнализировать всем о своем прибытии, включив свет, Адриан не собирался.

На чердаке оказалось еще жарче, чем внизу: давно прохуdivшаяся крыша была затянута пленкой, которая защищала помещение от дождя, но накалялась на солнце и не давала доступа воздуху. Перекрыть крышу заново было слишком дорого. Открывать окно, выходящее на улицу, Адриан не рискнул — решил потерпеть.

Скинув рубашку и оставшись только в джинсах, он, тяжело дыша, пробрался к заветному сундуку.

Еще два дня назад Адриан ни за что не прошел бы мимо охотничьего ружья, лежащего в укромном уголке и прикрытого перевязанными бечевками пачками старых газет и журналов. Отец купил его по случаю на каком-то вид-гренье¹, а теперь не знал, что с ним делать. В стволе перекосялся патрон, протолкнуть его не удалось, а стрелять было опасно: ствол могло разорвать. Адриану, конечно, запрещали даже дотрагиваться

¹ Вид-гренье — пустой чердак (франц.). Так называются небольшие вещевые рынки, барахолки, которые по выходным дням проходят во Франции и особенно популярны в деревнях.

до ружья, однако он успешно пренебрегал запретом: приятно же хотя бы в руках подержать оружие! Но сегодня ему не до того. Дрожащими руками он поднял крышку сундука и начал по одной доставать толстые книги, то и дело чихая, когда пыль, эта особенно тонкая и едкая, ароматная книжная пыль, проникала в нос. И вдруг руки его задрожали: вот она, та самая коричневая тетрадь, о которой он узнал, случайно услышав разговор своего отца Жерара Марсо и их парижского соседа, букиниста мсье Леру!

...В тот вечер Леру зашел спросить, нет ли среди старинных книг, хранящихся во Френе и принадлежавших предкам Марсо, чего-нибудь для продажи, например манускриптов. Леру был знаток и любитель рукописей, писатель, историк и для покупки редкостей денег не жалел.

— Ну как же! — воскликнул отец Адриана. — В сундуке на чердаке лежит коричневая, самодельно переплетенная тетрадка с пожелтевшей бумагой: это воспоминания моего прапра... словом, моего далекого предка. Мы с ним тезки, хотя, судя по этим запискам, он предпочитал, чтобы его называли не Жерар, а Дэ-вэн Марсо — колдун¹ Марсо. Уж не знаю, какой он там был колдун — но почерк имел ужасный! Сделаем скидку также на шершавую бумагу, выцветшие чернила и плохо очиненное перо. Я когда-то, по молодости лет, пытался эти воспоминания прочесть, даже переписать начисто, разборчиво, однако в конце концов признал, что миссия невыполнима. — Он ухмыльнулся. — Осилит только две страницы, а может, три, уже не помню. В том, что прочел, рассказывалось о вызове некоей

¹ Дэвэн — колдун (франц.).

Калиго Корней (вот уж не знаю, кто такая!), которая могла найти плиту со следом какой-то ведьмы. Якобы под этой плитой скрыто баснословное сокровище. Ах да, помню, что плиту следовало искать у воды. Пояснений, почему у воды, я не нашел.

— Это напоминает мне обряд вызова мертвого слуги, — глубокомысленно проговорил букинист. — Очевидно, Калиго Корней — такой слуга. А о чем еще вы прочли?

— Еще там был текст какого-то заклинания, — вспомнил отец Адриана. — Также Дэвэн Марсо писал что-то про оборотней, про тонкости общения с мертвецами, причем непременно в ночь со среды на четверг и обязательно на старом кладбище во Френе, про какую-то даму с черными перьями в волосах... Ну и все такое в этом роде. Я уж и забыл детали. Мы в следующий понедельник едем во Френ. Если хотите, я привезу рукопись, когда будем возвращаться.

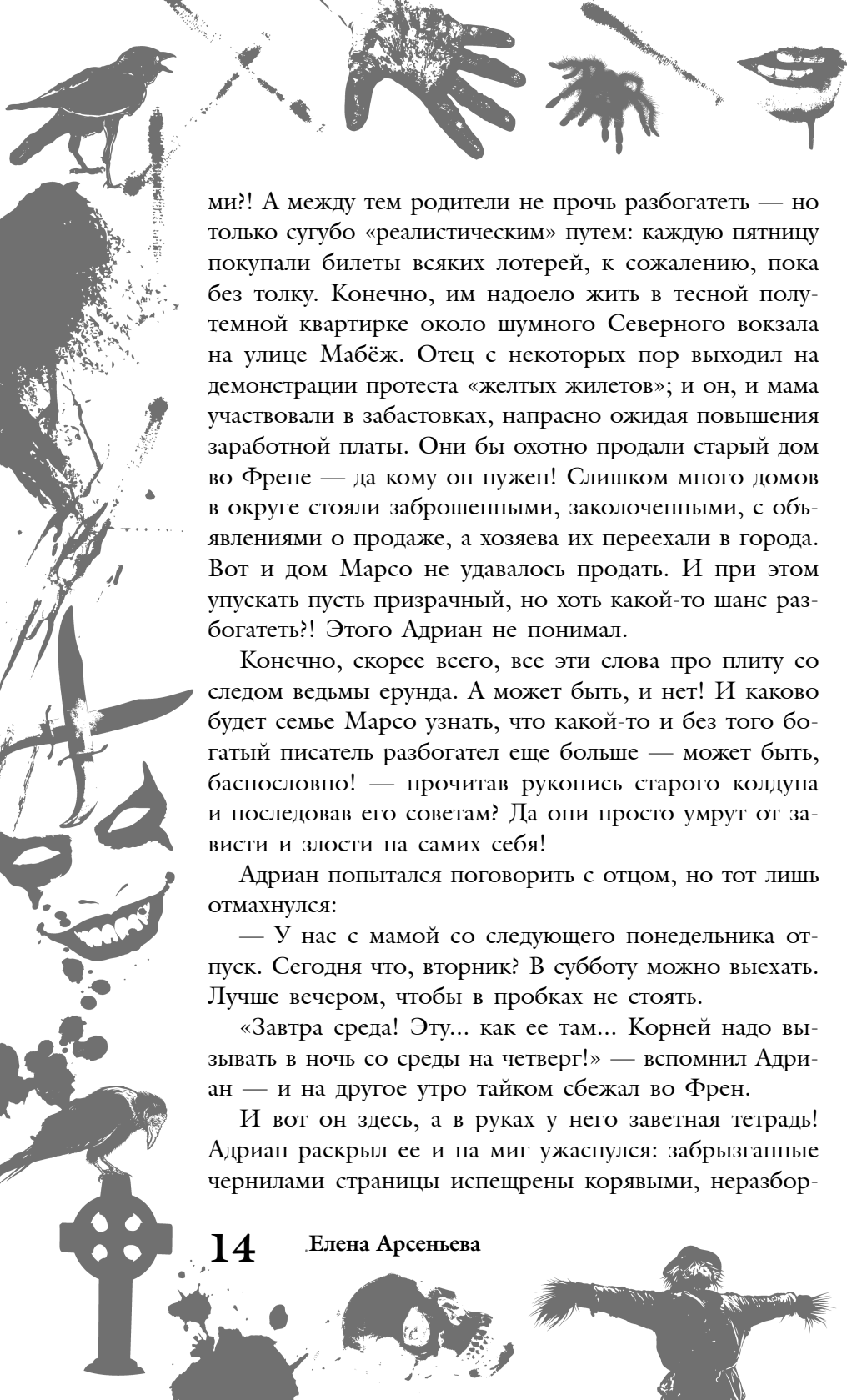
Мсье Леру тут же позвонил своему клиенту, любителю манускриптов, и тот заявил, что сам одновременно с семьей Марсо приедет во Френ взглянуть на записки их предка, о котором этот историк, оказывается, очень много слышал и даже в одной из своих книг о нем писал.

Именно этого историка и хотел опередить Адриан.

Ну ладно, предположим, любитель манускриптов заплатит за рукопись колдуна Марсо сотню евро, или несколько сотен, или даже тысячу — но что это по сравнению с баснословным сокровищем, на которое намекал предок?!

Адриан не мог понять отца. Как это так?! Иметь шанс стать действительно богатым, может быть очень богатым — и отнестись к этому так пренебрежительно только потому, что он связан с какими-то чудеса-

ми?! А между тем родители не прочь разбогатеть — но только сугубо «реалистическим» путем: каждую пятницу покупали билеты всяких лотерей, к сожалению, пока без толку. Конечно, им надоело жить в тесной полутемной квартирке около шумного Северного вокзала на улице Мабёж. Отец с некоторых пор выходил на демонстрации протеста «желтых жилетов»; и он, и мама участвовали в забастовках, напрасно ожидая повышения заработной платы. Они бы охотно продали старый дом во Френе — да кому он нужен! Слишком много домов в округе стояли заброшенными, заколоченными, с объявлениями о продаже, а хозяева их переселились в города. Вот и дом Марсо не удавалось продать. И при этом упускать пусть призрачный, но хоть какой-то шанс разбогатеть?! Этого Адриан не понимал.

Конечно, скорее всего, все эти слова про плиту со следом ведьмы ерунда. А может быть, и нет! И каково будет семье Марсо узнать, что какой-то и без того богатый писатель разбогател еще больше — может быть, баснословно! — прочитав рукопись старого колдуна и последовав его советам? Да они просто умрут от зависти и злости на самих себя!

Адриан попытался поговорить с отцом, но тот лишь отмахнулся:

— У нас с мамой со следующего понедельника отпуск. Сегодня что, вторник? В субботу можно выехать. Лучше вечером, чтобы в пробках не стоять.

«Завтра среда! Эту... как ее там... Корней надо вызывать в ночь со среды на четверг!» — вспомнил Адриан — и на другое утро тайком сбежал во Френ.

И вот он здесь, а в руках у него заветная тетрадь! Адриан раскрыл ее и на миг ужаснулся: забрызганные чернилами страницы испещрены корявыми, неразбор-

чивыми, убористыми строчками. Но тут же обнаружил листочки, исписанные аккуратным почерком отца. Пробежал их глазами — и ах, как заколотилось сердце! Да, отец хорошо постарался: переписал все самое главное: подробные указания, как найти Калиго Корней на кладбище.

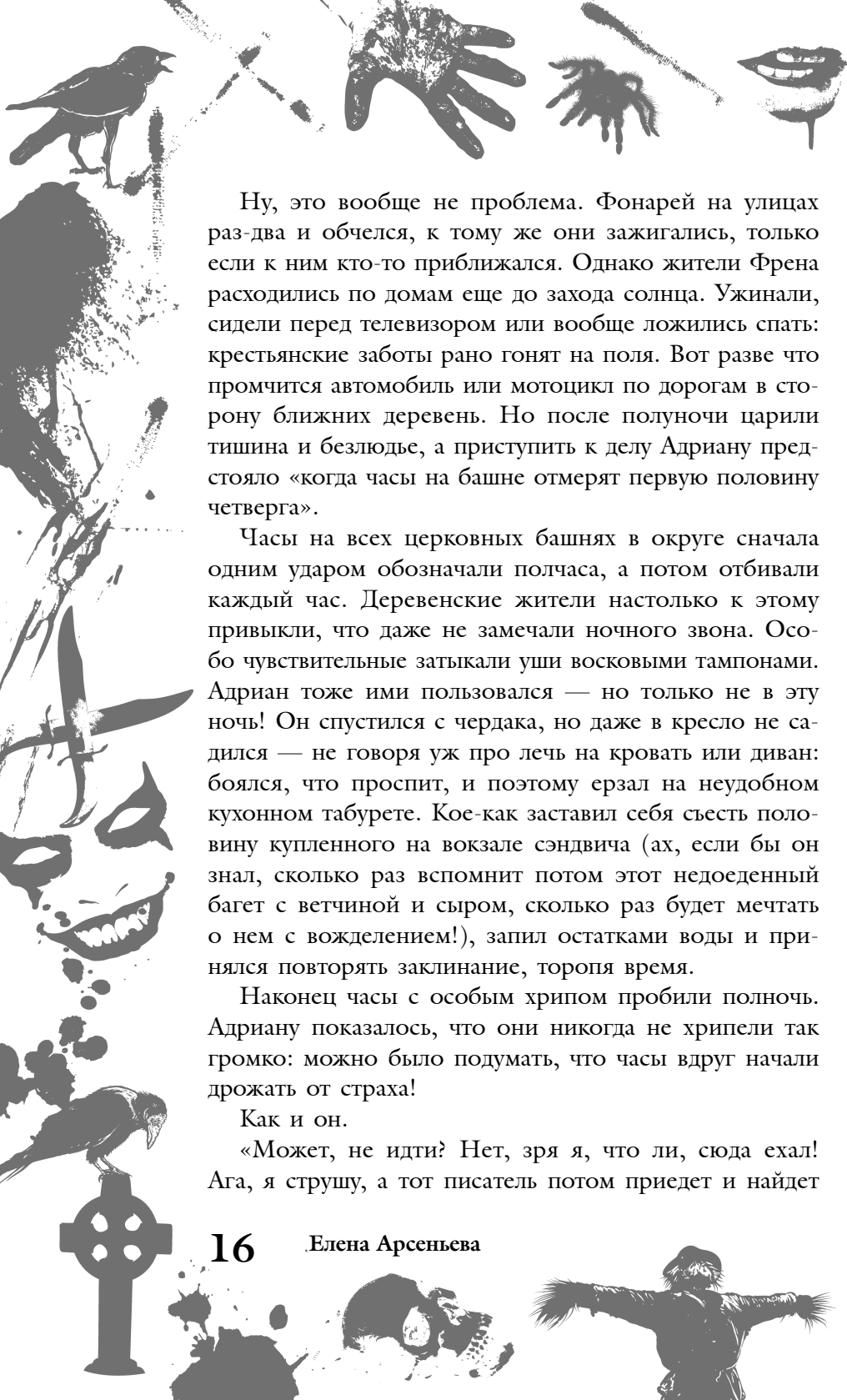
И еще там было написано заклинание. Его следовало непременно прочесть от начала до конца, чтобы Калиго Корней, восстав из могилы, повиновалась своему господину беспрекословно.

Адриан прочел магические слова несколько раз, чтобы запомнить наверняка. Он забыл про духоту и жару, наоборот — стало холодно, даже в дрожь бросило, и пришлось снова рубашку надеть!

Подошел к чердачному окну. Смеркалось, но округа была видна хорошо. Вон шато де Френ — довольно обветшалый замок, когда-то принадлежавший владельцам деревни; вон школа верховой езды, куда ежедневно наезжает народ из Самбура, Мульян-ан-Тоннерау, из Нуайера, Анси, Аржентоя, Пасси, других деревень, чтобы взять из конюшни понравившегося коня и вволю покататься по окрестностям... Прямо под окном лежал петит рю Порт Рю — переулок Уличных Ворот. Чуть правее — перекресток с рю дё Л'Эглиз, Церковной улицей, а также сама эглиз Сен-Маммэ, церковь Святого Маманта, и кладбище рядом с ней. Оно разделено на две части: старое, появившееся лет четыреста назад, когда церковь только построили, и новое, на котором с недавних пор прибавилось всего несколько могил: жителей во Френе осталось мало.

Разумеется, за мертвым слугой надо идти на старое кладбище! И оказаться там нужно сразу же после полуночи, причем непременно в непроглядной темноте.

Ну, это вообще не проблема. Фонарей на улицах раз-два и обчелся, к тому же они зажигались, только если к ним кто-то приближался. Однако жители Френа расходились по домам еще до захода солнца. Ужинали, сидели перед телевизором или вообще ложились спать: крестьянские заботы рано гонят на поля. Вот разве что прочтется автомобиль или мотоцикл по дорогам в сторону ближних деревень. Но после полуночи царили тишина и безлюдье, а приступить к делу Адриану предстояло «когда часы на башне отмерят первую половину четверга».

Часы на всех церковных башнях в округе сначала одним ударом обозначали полчаса, а потом отбивали каждый час. Деревенские жители настолько к этому привыкли, что даже не замечали ночного звона. Особо чувствительные затыкали уши восковыми тампонами. Адриан тоже ими пользовался — но только не в эту ночь! Он спустился с чердака, но даже в кресло не сел — не говоря уж про лезть на кровать или диван: боялся, что проспит, и поэтому ерзал на неудобном кухонном табурете. Кое-как заставил себя съесть половину купленного на вокзале сэндвича (ах, если бы он знал, сколько раз вспомнит потом этот недоеденный багет с ветчиной и сыром, сколько раз будет мечтать о нем с вожделением!), запил остатками воды и принялся повторять заклинание, торопя время.

Наконец часы с особым хрипом пробили полночь. Адриану показалось, что они никогда не хрипели так громко: можно было подумать, что часы вдруг начали дрожать от страха!

Как и он.

«Может, не идти? Нет, зря я, что ли, сюда ехал! Ага, я струшу, а тот писатель потом придет и найдет

сокровище! Нет, хватит трястись! И вообще, еще неизвестно, может, все это вранье!» — подумал Адриан и вдруг понял, что не слишком огорчится, если советы Дэвена Марсо вообще окажутся враньем.

Взял из чуланчика лопату, погасил фонарик и тихо-тихо вышел из дома.

Вовсю светила луна. А как же насчет кромешной тьмы?! Ну, может быть, луну затянут тучки, которые в изобилии плывут по небу?

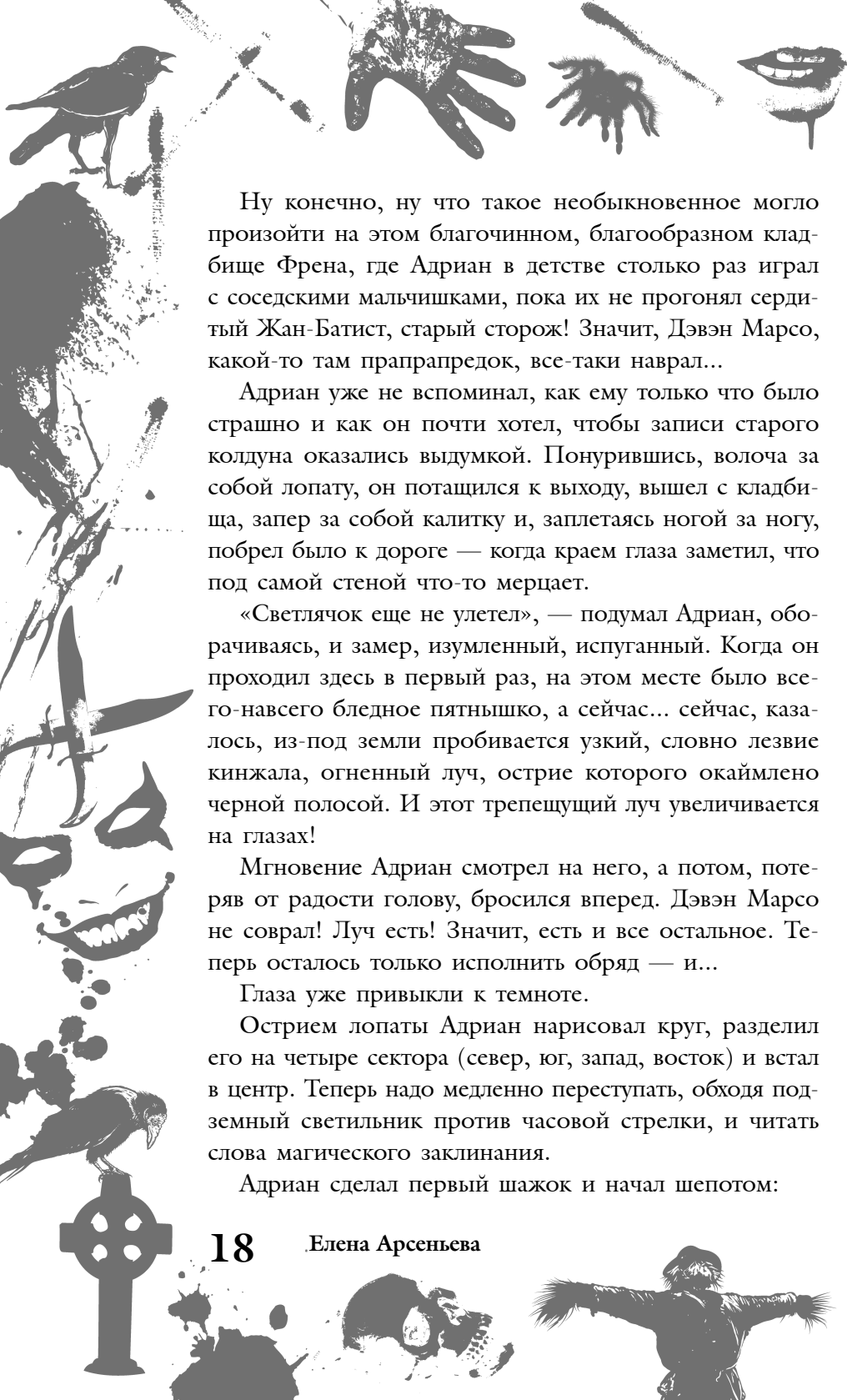
Адриан осторожно спустился по ступенькам и вышел на рю Эглиз как раз напротив ворот старого кладбища. Приблизился к ним — да так и замер, увидев слабое бледно-зеленоватое мерцание около огораживающей кладбище стены.

Дэвен Марсо писал, что Калиго Корней в урочный час подает о себе знак свечением, которое пробивается из-под земли. Но ведь Адриан еще не вошел на кладбище. Наверное, это обычный светлячок.

Не считается!

Адриан тяжело вздохнул, перехватил лопату одной рукой, другую просунул сквозь решетку калитки и поднял крючок, устроенный так, что калитку можно открыть и снаружи, и изнутри. Согнулся (со временем кладбищенская ограда выросла в землю, ну и калитка стала ниже, чем была лет триста назад!) и вошел в это обиталище усопших, досадуя на лунный свет и опасаясь, что из-за него не заметит сигнала. И тут словно по заказу луну прикрыло длинное облако. Но сколько Адриан ни бродил между замшелыми склепами, то и дело натываясь в темноте на старые могильные плиты, почти вросшие в землю, никакого свечения разглядеть не мог. Он разве что носом в землю не утыкался, чтобы лучше видеть — но все зря!

Ну конечно, ну что такое необыкновенное могло произойти на этом благочинном, благообразном кладбище Френа, где Адриан в детстве столько раз играл с соседскими мальчишками, пока их не прогонял сердитый Жан-Батист, старый сторож! Значит, Дэвэн Марсо, какой-то там прапрапредок, все-таки наврал...

Адриан уже не вспоминал, как ему только что было страшно и как он почти хотел, чтобы записи старого колдуна оказались выдумкой. Понурившись, волоча за собой лопату, он потащился к выходу, вышел с кладбища, запер за собой калитку и, заплетаясь ногой за ногу, побрел было к дороге — когда краем глаза заметил, что под самой стеной что-то мерцает.

«Светлячок еще не улетел», — подумал Адриан, обращившись, и замер, изумленный, испуганный. Когда он проходил здесь в первый раз, на этом месте было всего-навсего бледное пятнышко, а сейчас... сейчас, казалось, из-под земли пробивается узкий, словно лезвие кинжала, огненный луч, острие которого окаймлено черной полосой. И этот трепещущий луч увеличивается на глазах!

Мгновение Адриан смотрел на него, а потом, потеряв от радости голову, бросился вперед. Дэвэн Марсо не соврал! Луч есть! Значит, есть и все остальное. Теперь осталось только исполнить обряд — и...

Глаза уже привыкли к темноте.

Острием лопаты Адриан нарисовал круг, разделил его на четыре сектора (север, юг, запад, восток) и встал в центр. Теперь надо медленно переступать, обходя подземный светильник против часовой стрелки, и читать слова магического заклинания.

Адриан сделал первый шаг и начал шепотом:

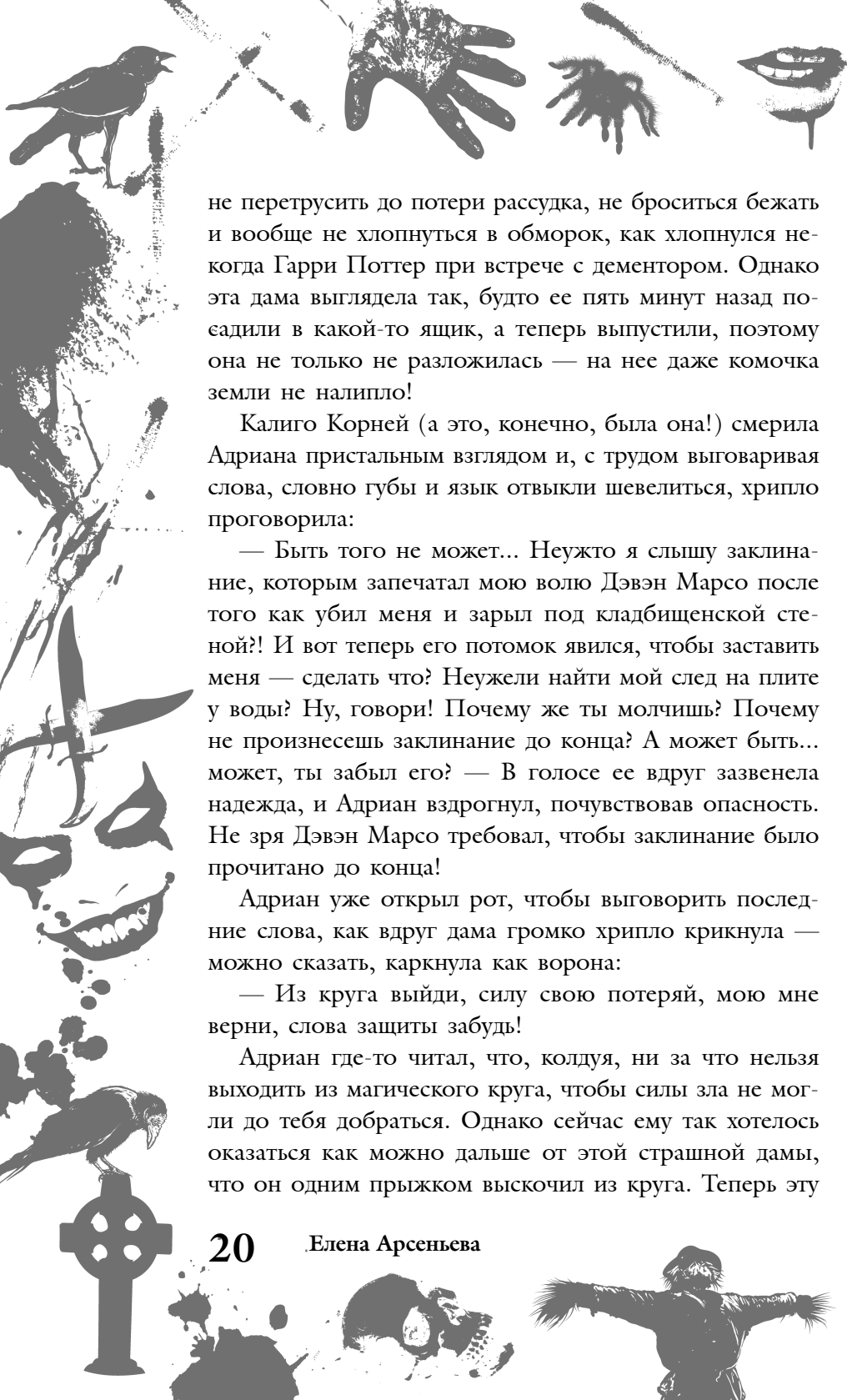
— Приди из-под земли, восстань и помоги!
Заклинаю тебя самым мрачным из всех имен,
Заклинаю самым вечным из всех имен — именем Смерти.
Свет кровавый, свет черный, свет губительный,
Открой мне то, что я желаю узнать,
Покажи то, что я желаю увидеть,
Исполни то, что я прикажу,
Отъщи для меня то, что я ищу,
Но спаси меня от силы ведьмовской,
Призови мне на помощь магический круг и...

Внезапно как раз там, где мерцал красноватый огонек, вспучилась и разверзлась земля.

Следующее слово застряло у Адриана в горле. Согласно наставлениям Дэвэна Марсо, нужно расширить яму лопатой, чтобы выпустить на свободу Калиго Корней, готовую повиноваться своему господину, однако из глубины самой по себе образовавшейся ямы резко пахло сырой гнилью, а потом оттуда взметнулись какие-то черные дурно пахнущие птичьи перья. Они закружились над ямой, и ветер, то ли поднятый их полетом, то ли налетевший невесть откуда, быстро развеял источаемое ими зловоние. В воздухе повеяло ароматом гиацинтов. На исходе зимы ими сладко благоухали все цветочные лавки Парижа, но сейчас аромат казался слишком густым, удушающим, гнилостным...

Тем временем перья вдруг свились, скрутились — и перед Адрианом оказалась черноглазая и смертельно бледная дама. Из ее черных волос тоже торчали черные птичьи перья.

Адриан был готов увидеть чуть ли не полуразложившийся труп или вообще скелет, покрытый ошметками гнившей одежды, а потому всячески уговаривал себя

не перетрусить до потери рассудка, не броситься бежать и вообще не хлопнуться в обморок, как хлопнулся некогда Гарри Поттер при встрече с дементором. Однако эта дама выглядела так, будто ее пять минут назад посадили в какой-то ящик, а теперь выпустили, поэтому она не только не разложилась — на нее даже комочка земли не налипло!

Калиго Корней (а это, конечно, была она!) смерила Адриана пристальным взглядом и, с трудом выговаривая слова, словно губы и язык отвыкли шевелиться, хрипло проговорила:

— Быть того не может... Неужто я слышу заклинание, которым запечатал мою волю Дэвэн Марсо после того как убил меня и зарыл под кладбищенской стеной?! И вот теперь его потомок явился, чтобы заставить меня — сделать что? Неужели найти мой след на плите у воды? Ну, говори! Почему же ты молчишь? Почему не произнесешь заклинание до конца? А может быть... может, ты забыл его? — В голосе ее вдруг зазвенела надежда, и Адриан вздрогнул, почувствовав опасность. Не зря Дэвэн Марсо требовал, чтобы заклинание было прочитано до конца!

Адриан уже открыл рот, чтобы выговорить последние слова, как вдруг дама громко хрипло крикнула — можно сказать, каркнула как ворона:

— Из круга выйди, силу свою потеряй, мою мне верни, слова защиты забудь!

Адриан где-то читал, что, колдуя, ни за что нельзя выходить из магического круга, чтобы силы зла не могли до тебя добраться. Однако сейчас ему так хотелось оказаться как можно дальше от этой страшной дамы, что он одним прыжком выскочил из круга. Теперь эту

жуткую особу ограждает магическая черта, и выбраться наружу, переступив черту, она не сможет.

Однако напрасно Адриан надеялся! Черные волосы женщины встали дыбом, затрепетали... нет, это перья в ее волосах сделались черными воронами, которые хлопали крыльями, взвились, подняли ее над землей и... перенесли через магическую черту!

И вот она уже парит на крыльях своих птиц-волос совсем близко от Адриана и злобно хохочет, словно каркает:

— Ты забыл заклинание! Ты его забыл и никогда не вспомнишь! Теперь берегись!

Значит, Калиго Корней, Калиго Ворона, и есть та самая ведьма, о которой идет речь в заклинании и от которой надо спастись, но Адриан как дурак забыл слова!

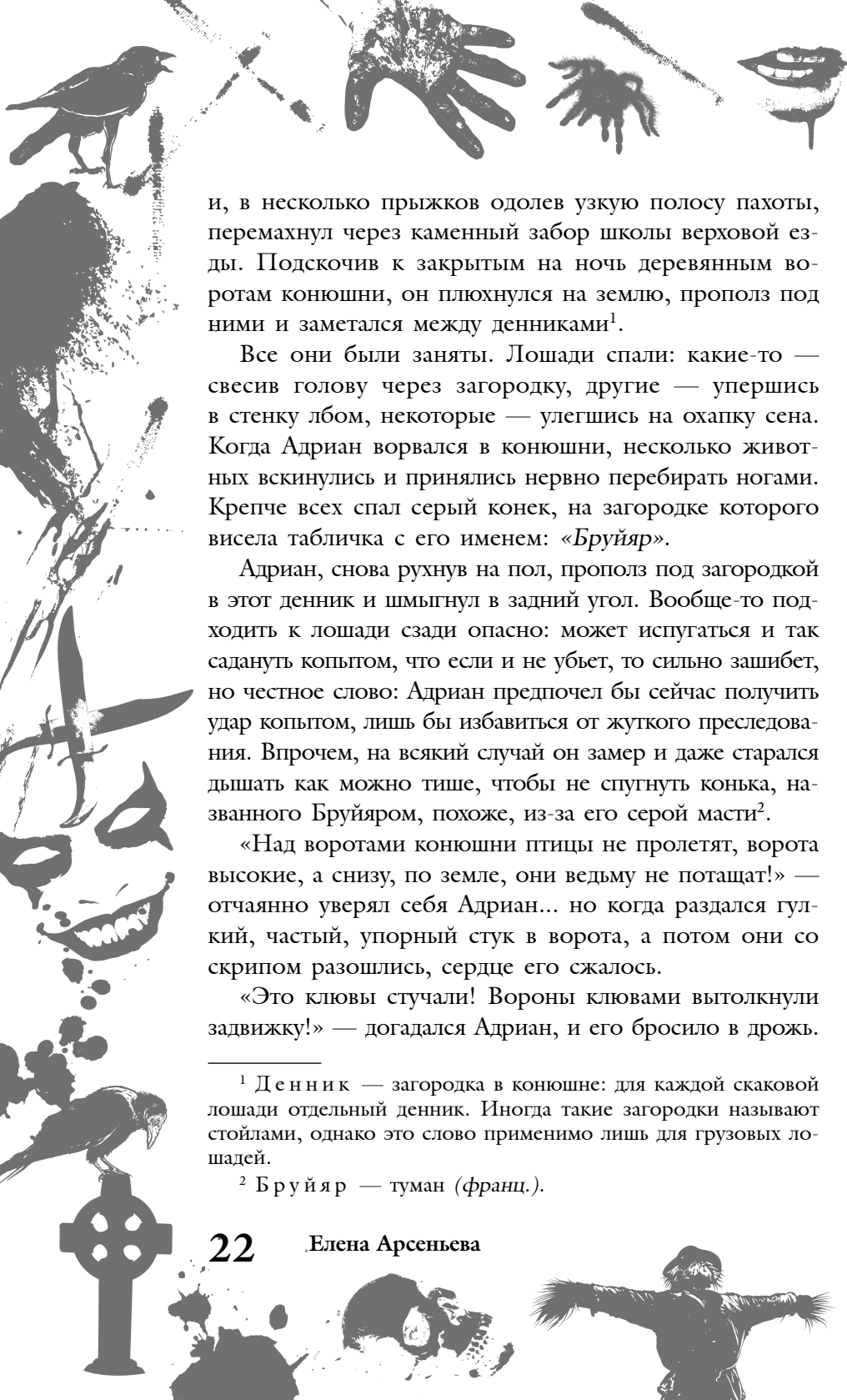
А может, удастся сбежать от нее?..

Ведьма загоразивала дорогу к дому, поэтому Адриан кинулся в кладбищенскую калитку. За спиной послышались разъяренное карканье и пронзительный свирепый визг: очевидно, вороны со своей повелительницей застряли в узкой и низкой калитке. Это дало возможность Адриану, перебежав кладбище, перевалиться через каменную ограду и, путаясь в стеблях каких-то посаженных здесь растений, промчаться по краю поля и скрыться в лесопосадках, отделяющих поле от проезжей дороги.

Опустив ведьму на землю, птицы принялись шнырять между деревьями, разыскивая беглеца. Адриан подобрал на кромке поля ком земли, запустил как можно дальше между деревьями, а еще один швырнул в другую сторону.

Как он и ожидал, птицы заметались туда-сюда, а Адриан тем временем вынырнул из лесопосадок

и, в несколько прыжков одолев узкую полосу пахоты, перемахнул через каменный забор школы верховой езды. Подскочив к закрытым на ночь деревянным воротам конюшни, он плюхнулся на землю, прополз под ними и заметался между денниками¹.

Все они были заняты. Лошади спали: какие-то — свесив голову через загородку, другие — упершись в стенку лбом, некоторые — улегшись на охапку сена. Когда Адриан ворвался в конюшни, несколько животных вскинулись и принялись нервно перебирать ногами. Крепче всех спал серый конек, на загородке которого висела табличка с его именем: «Бруйяр».

Адриан, снова рухнув на пол, прополз под загородкой в этот денник и шмыгнул в задний угол. Вообще-то подходить к лошади сзади опасно: может испугаться и так садануть копытом, что если и не убьет, то сильно зашибет, но честное слово: Адриан предпочел бы сейчас получить удар копытом, лишь бы избавиться от жуткого преследования. Впрочем, на всякий случай он замер и даже старался дышать как можно тише, чтобы не спугнуть конька, названного Бруйяром, похоже, из-за его серой масти².

«Над воротами конюшни птицы не пролетят, ворота высокие, а снизу, по земле, они ведьму не потащат!» — отчаянно уверял себя Адриан... но когда раздался гулкий, частый, упорный стук в ворота, а потом они со скрипом разошлись, сердце его сжалось.

«Это клювы стучали! Вороны клювами вытолкнули задвижку!» — догадался Адриан, и его бросило в дрожь.

¹ Денник — загородка в конюшне: для каждой скаковой лошади отдельный денник. Иногда такие загородки называют стойлами, однако это слово применимо лишь для грузовых лошадей.

² Бруйяр — туман (франц.).

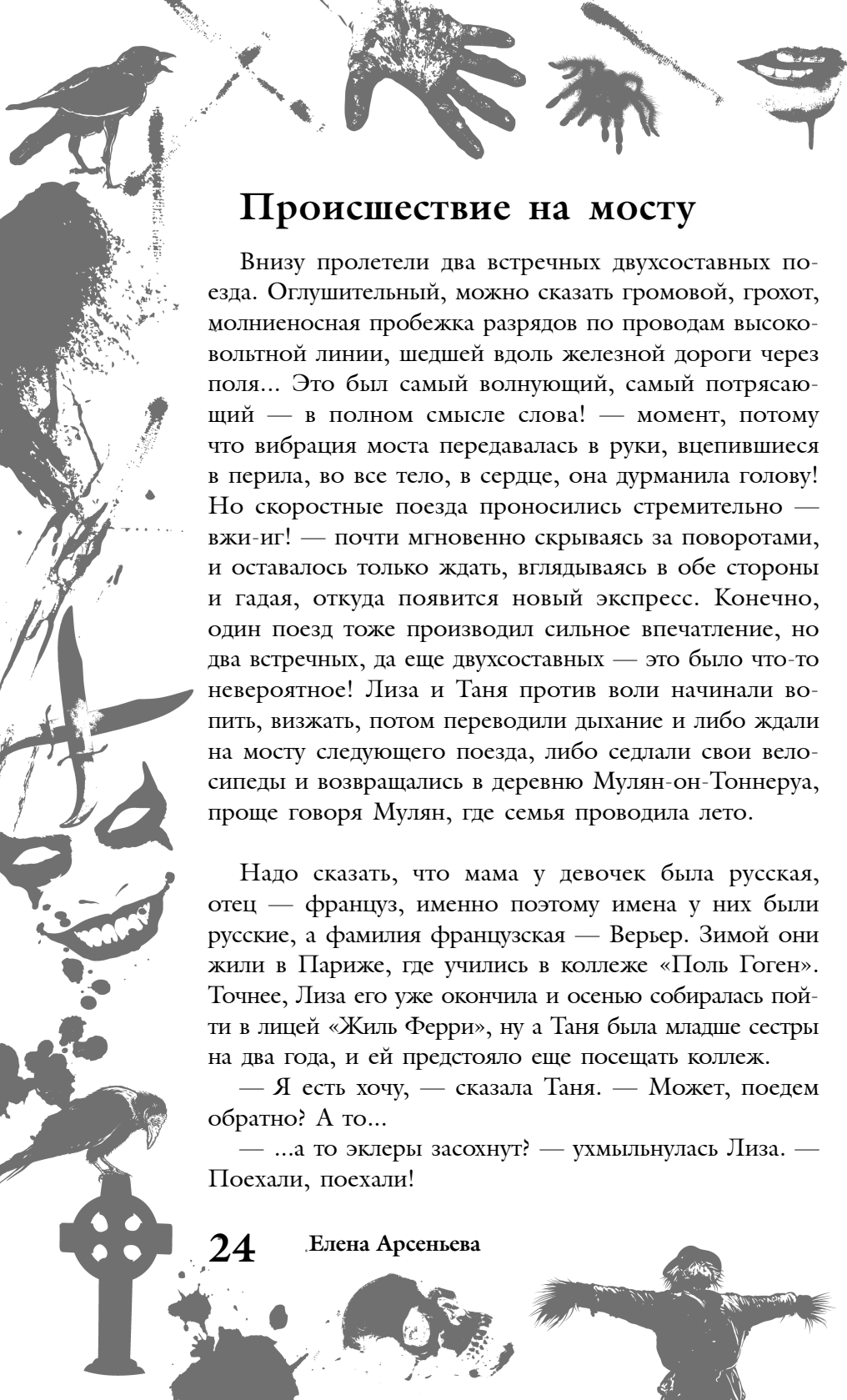
Теперь все кони топтались в денниках и громко, тревожно ржали; серый Бруйяр тоже проснулся и размахивал хвостом, иногда задевая Адриана по лицу, но тот ничего не чувствовал, а только молился, чтобы на шум прибежали сторожа, прогнали ворон и эту ужасную ведьму! Но никто не прибежал...

И вдруг на мир обрушилась полная тишина, словно не только кони, но и вообще все вокруг замерло, перестало дышать. В этой тишине раздался шум крыльев, а потом над загородкой денника, в котором прятался Адриан, появилось бледное лицо с огромными черными глазами и искривленным в жуткой улыбке ртом, и как Адриан ни вжимался в стенку, как ни пытался спрятаться за крупом неподвижно стоящего серого коня — этот взгляд и эта кривая улыбка неумолимо его настигали.

— Значит, хочешь найти мой след на плите? — прокаркала Калиго Корней. — Ну что ж, поищи. Но округа велика, не так просто ее обойти. Дай-ка я тебе помогу! — Она протянула левую руку, указывая длинным пальцем с острым черным — черным! — ногтем то на Адриана, то на замершего Бруйяра, потом простерла обе руки... пальцы скрючились как птичьи когти, изо рта вылетело черное облачко и словно прилипло к лицу Адриана... Он почувствовал, что задыхается, а потом его резко шатнуло к Бруйяру, и он ударился о коня так, что заныла каждая косточка. Ноги подкосились, Адриан начал падать и услышал резкое, короткое, испуганное ржание Бруйяра... потом страшно закружилась голова, боль скрутила тело, словно Адриана тащили за руки, за ноги и за голову в разные стороны, да еще при этом били молотком между лопатками. В глазах потемнело от боли и страха.

Кажется, он потерял сознание.

Происшествие на мосту

Внизу пролетели два встречных двухсоставных поезда. Оглушительный, можно сказать громовой, грохот, молниеносная пробежка разрядов по проводам высоковольтной линии, шедшей вдоль железной дороги через поля... Это был самый волнующий, самый потрясающий — в полном смысле слова! — момент, потому что вибрация моста передавалась в руки, вцепившиеся в перила, во все тело, в сердце, она дурманила голову! Но скоростные поезда пронеслись стремительно — вжи-иг! — почти мгновенно скрываясь за поворотами, и оставалось только ждать, вглядываясь в обе стороны и гадая, откуда появится новый экспресс. Конечно, один поезд тоже производил сильное впечатление, но два встречных, да еще двухсоставных — это было что-то невероятное! Лиза и Таня против воли начинали вопить, визжать, потом переводили дыхание и либо ждали на мосту следующего поезда, либо седлали свои велосипеды и возвращались в деревню Мулян-он-Тоннеруа, проще говоря Мулян, где семья проводила лето.

Надо сказать, что мама у девочек была русская, отец — француз, именно поэтому имена у них были русские, а фамилия французская — Верьер. Зимой они жили в Париже, где учились в коллеже «Поль Гоген». Точнее, Лиза его уже окончила и осенью собиралась пойти в лицей «Жиль Ферри», ну а Таня была младше сестры на два года, и ей предстояло еще посещать коллеж.

— Я есть хочу, — сказала Таня. — Может, поедем обратно? А то...

— ...а то эклеры засохнут? — ухмыльнулась Лиза. — Поехали, поехали!

Шоколадные эклеры ежедневно покупались у буланже¹ Ивона. Около полудня Ивон проезжал через Мулян на своем синем фургончике, отчаянно сигналив, чтобы все, кому нужны багеты, или круглый хлеб, или круассаны, или эклеры, или тарталетки с клубникой, или фланы, или пан-о-шоколя, или пан-о-рэзан², или какая-то другая вкуснейшая выпечка, выходили из домов и спешили ее купить. Иногда бесподобные эклеры съедали в обед на десерт, иногда оставляли на послеобеденный перекус, который на русский манер называли полдником, а иногда, если родители не съедали свои пирожные, девчонок ожидало роскошное утро.

Вот как сегодня! Таня и Лиза выехали на утреннюю прогулку ни свет ни заря (в это время поезда идут один за другим: Париж — Лион, Лион — Париж, Дижон — Париж, Париж — Дижон, восторгов на мосту можно испытать не счесть сколько!), но уже пора домой, чтобы успеть к семейному завтраку.

Маме с папой — овсянка, омлеты или йогурты, девчонкам — омлеты и вчерашние эклеры. Замечательно!

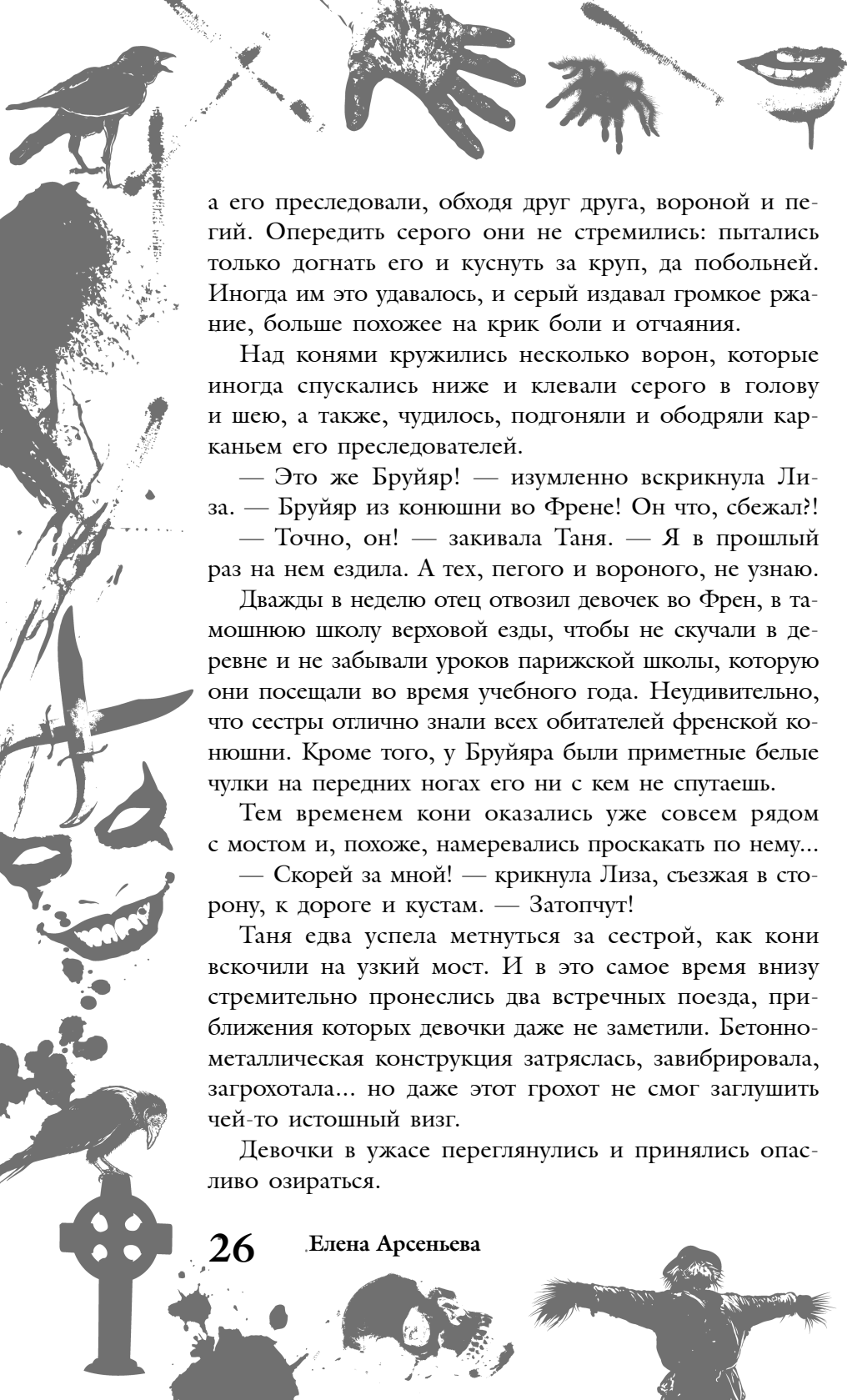
Сестрички забрались на велосипеды, но только тронулись с моста, как вдруг услышали неистовое ржание и карканье. Приостановились, оглянулись — и испуганно отпрянули к перилам моста: по дорожке, проложенной вдоль железнодорожного полотна, мчались со стороны Френа (деревни в пяти километрах от Муляна) три коня. Впереди скакал загнанный, взмыленный серый конь, неуклюже выбрасывая ноги в белых чулках³,

¹ Буланже — булочник (франц.).

² Флан — яично-молочное пирожное, пан-о-шоколя — булочка с шоколадом, пан-о-рэзан — булочка с изюмом (франц.).

³ Иногда шерсть у лошадей от копыт до колен отличается по цвету от общей масти.

а его преследовали, обходя друг друга, вороной и пегий. Опередить серого они не стремились: пытались только догнать его и кунуть за круп, да побольней. Иногда им это удавалось, и серый издавал громкое ржание, больше похожее на крик боли и отчаяния.

Над конями кружились несколько ворон, которые иногда спускались ниже и клевали серого в голову и шею, а также, чудилось, подгоняли и ободряли карканьем его преследователей.

— Это же Бруйяр! — изумленно вскрикнула Лиза. — Бруйяр из конюшни во Френе! Он что, сбежал?!

— Точно, он! — закивала Таня. — Я в прошлый раз на нем ездила. А тех, пегого и вороного, не узнаю.

Дважды в неделю отец отвозил девочек во Френ, в тамошнюю школу верховой езды, чтобы не скучали в деревне и не забывали уроков парижской школы, которую они посещали во время учебного года. Неудивительно, что сестры отлично знали всех обитателей френской конюшни. Кроме того, у Бруйяра были приметные белые чулки на передних ногах его ни с кем не спутаешь.

Тем временем кони оказались уже совсем рядом с мостом и, похоже, намеревались проскакать по нему...

— Скорей за мной! — крикнула Лиза, съезжая в сторону, к дороге и кустам. — Затопчут!

Таня едва успела метнуться за сестрой, как кони вскочили на узкий мост. И в это самое время внизу стремительно пронеслись два встречных поезда, приближения которых девочки даже не заметили. Бетонно-металлическая конструкция затряслась, завибрировала, загрохотала... но даже этот грохот не смог заглушить чей-то истошный визг.

Девочки в ужасе переглянулись и принялись опасно озираться.

Бруйяр со страшной скоростью доскакал до поворота и скрылся в придорожных зарослях лип и кленов, обвитых сладко пахнущими лианами белого винограда¹. Двух других коней видно не было: наверное, они так испугались грохота поездов, что обогнали серого и исчезли за поворотом раньше, чем он.

— Смотри, там кто-то лежит! — испуганно крикнула Таня, показывая на тропу, ведущую вдоль железнодорожного полотна. — Какая-то женщина!

Сверху, с поросшего редким лесом каменистого склона, к тропе склонялась дикая груша, на которой уже начали зеленеть маленькие круглые плоды. Почти под самым деревом лежала женщина в длинном черном платье.

— Откуда она взялась? — прошептала Лиза. — Там ведь только что никого не было, кроме этих лошадей...

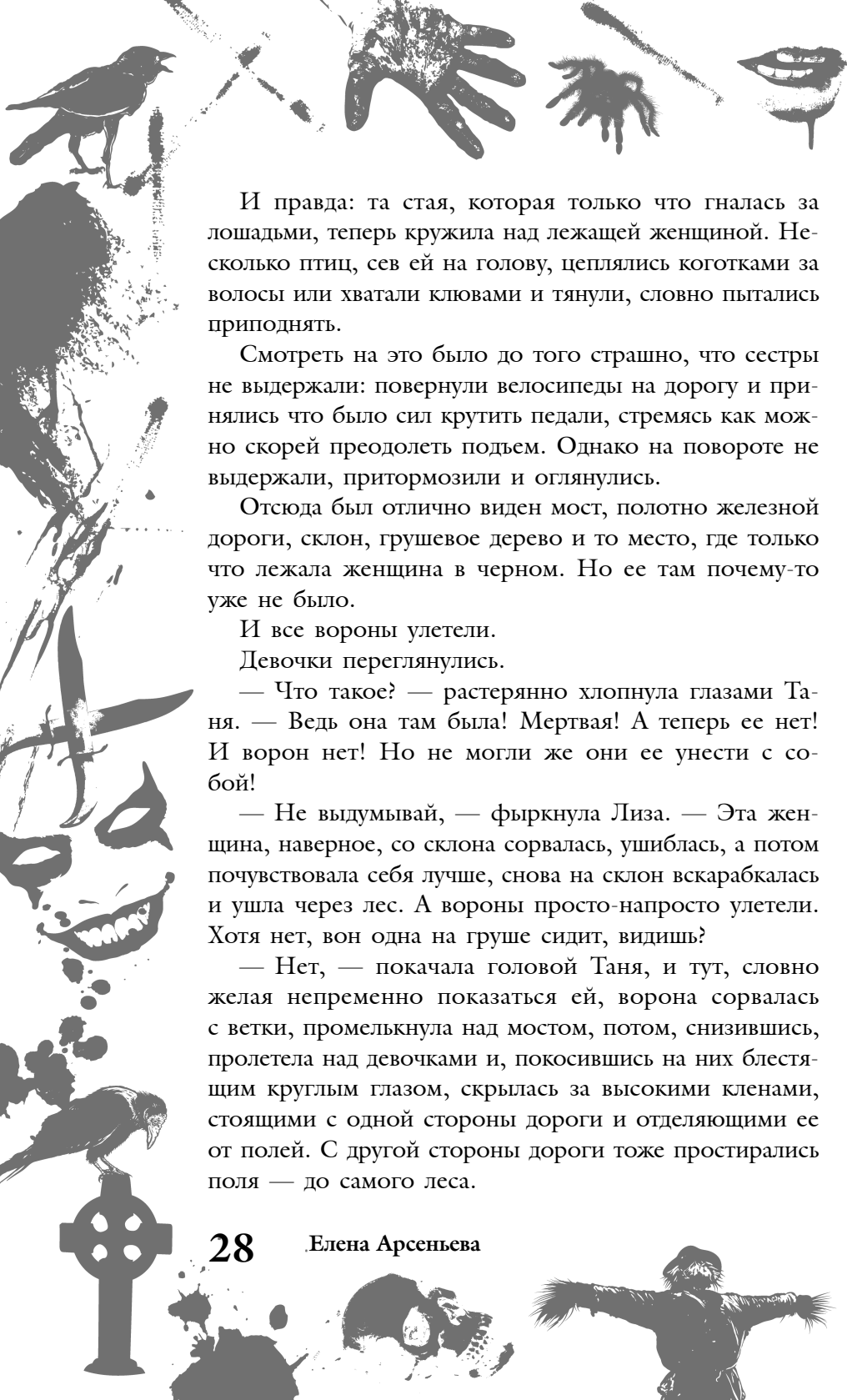
— Может, она выпала из поезда? — предположила Таня, но тут же с досадой махнула рукой, поняв, что сказала глупость: во-первых, двери скоростных поездов во время движения заблокированы, а во-вторых, если бы женщина и в самом деле выпала из поезда, перелететь через высокую — выше человеческого роста! — ограду, тянущуюся с обеих сторон рельсов, ей бы никак не удалось.

— Пойдем посмотрим? — предложила Лиза. — Поможем...

— Надо звонить в полицию, — сказала Таня, мрачно глядя на неподвижную фигуру. — Помогать ей уже поздно. Она мертвая, это точно! Смотри, уже вороны к ней слетелись.

¹ Белый виноград — так французы называют один из видов вьющегося растения ломоноса (клематиса).

И правда: та стая, которая только что гналась за лошадьми, теперь кружила над лежащей женщиной. Несколько птиц, сев ей на голову, цеплялись коготками за волосы или хватали клювами и тянули, словно пытались приподнять.

Смотреть на это было до того страшно, что сестры не выдержали: повернули велосипеды на дорогу и принялись что было сил крутить педали, стремясь как можно скорей преодолеть подъем. Однако на повороте не выдержали, притормозили и оглянулись.

Отсюда был отлично виден мост, полотно железной дороги, склон, грушевое дерево и то место, где только что лежала женщина в черном. Но ее там почему-то уже не было.

И все вороны улетели.

Девочки переглянулись.

— Что такое? — растерянно хлопнула глазами Таня. — Ведь она там была! Мертвая! А теперь ее нет! И ворон нет! Но не могли же они ее унести с собой!

— Не выдумывай, — фыркнула Лиза. — Эта женщина, наверное, со склона сорвалась, ушиблась, а потом почувствовала себя лучше, снова на склон вскарабкалась и ушла через лес. А вороны просто-напросто улетели. Хотя нет, вон одна на груше сидит, видишь?

— Нет, — покачала головой Таня, и тут, словно желая непременно показаться ей, ворона сорвалась с ветки, промелькнула над мостом, потом, снизившись, пролетела над девочками и, покосившись на них блестящим круглым глазом, скрылась за высокими кленами, стоящими с одной стороны дороги и отделяющими ее от полей. С другой стороны дороги тоже простиралась поля — до самого леса.

Одновременно пожав плечами, девочки снова тронулись в путь, однако странное происшествие никак не шло из головы. Они задумчиво одолели поворот и покатали дальше, не глядя обогнув две разноцветные кучки, лежащие посреди дороги. Одна была серо-рыжая — песчаная, вторая черная — земляная. Здесь часто проезжали машины, чем только не груженные, проходили тут и комбайны, на гусеницы которых налипала земля с полей, — неудивительно, что на дороге можно было увидеть и землю, и песок, и глину, и рассыпавшуюся солому...

Но как только девочки прокатали дальше, с дерева сорвалась не замеченная ими ворона и принялась кружить над этими кучками, внимательно их разглядывая. Потом, громко каркая, быстро полетела к лесу и скрылась в нем.

Девочки в это время разминулись со встречным трактором и за шумом мотора не услышали этого злобного карканья.

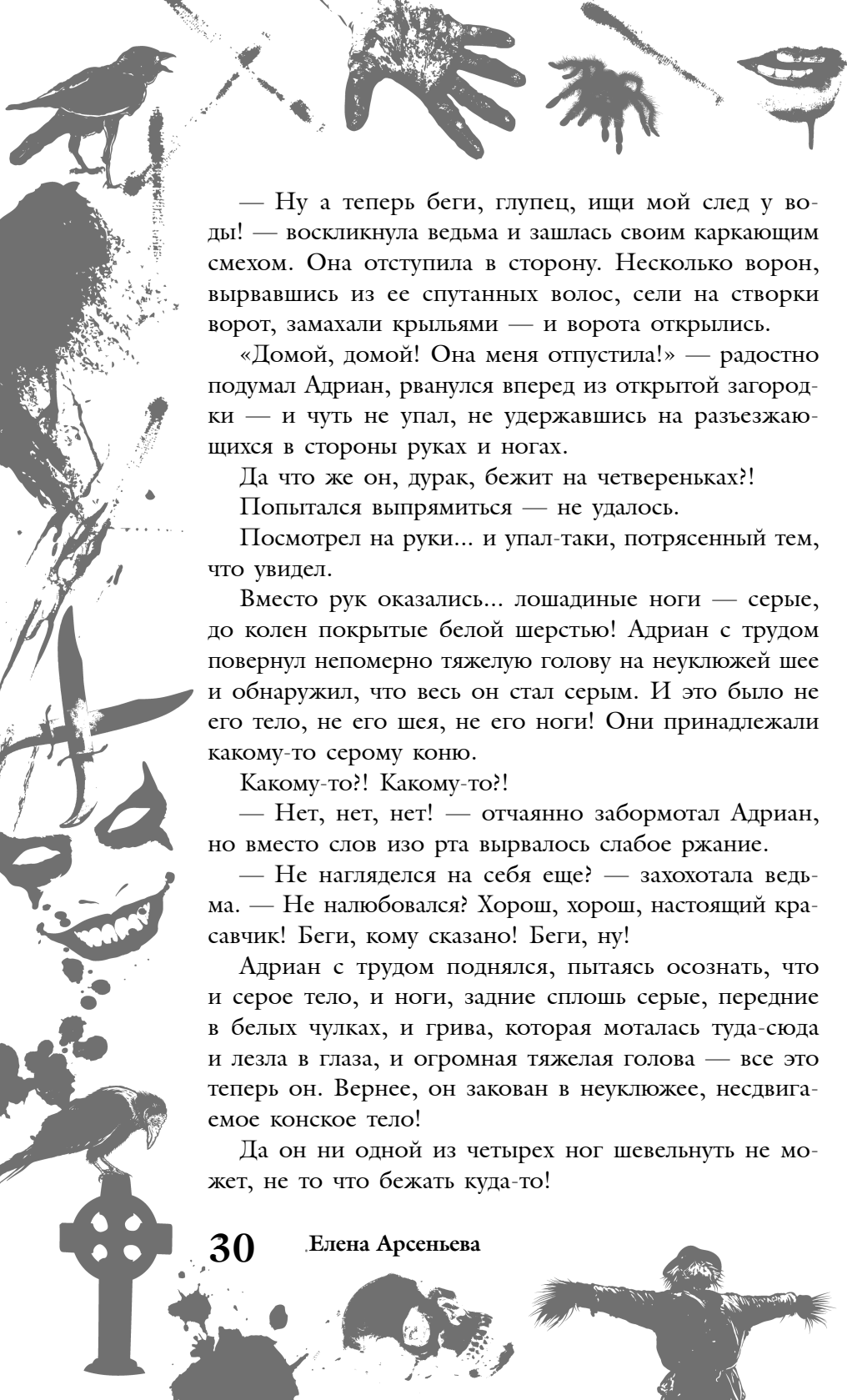
Хотя вряд ли воронье карканье бывает добрым!

Бегство

Когда Адриан очнулся, Калиго Корней по-прежнему была рядом и разглядывала его с кривой ухмылкой.

Адриан почувствовал, что стоит на четвереньках, однако при этом смотрел он на ведьму не снизу вверх, а сверху вниз. И вообще он как-то вырос и потолстел. И еще довольно трудно было управиться с руками и ногами, которые дрожали и расплзались. Шея болела от тяжести головы, волосы почему-то стали очень длинными и щекотали шею.

— Ну а теперь беги, глупец, ищи мой след у воды! — воскликнула ведьма и зашлась своим каркающим смехом. Она отступила в сторону. Несколько ворон, вырвавшись из ее спутанных волос, сели на створки ворот, замахали крыльями — и ворота открылись.

«Домой, домой! Она меня отпустила!» — радостно подумал Адриан, рванулся вперед из открытой загородки — и чуть не упал, не удержавшись на разъезжающихся в стороны руках и ногах.

Да что же он, дурак, бежит на четвереньках?!

Попытался выпрямиться — не удалось.

Посмотрел на руки... и упал-таки, потрясенный тем, что увидел.

Вместо рук оказались... лошадиные ноги — серые, до колен покрытые белой шерстью! Адриан с трудом повернул непомерно тяжелую голову на неуклюжей шее и обнаружил, что весь он стал серым. И это было не его тело, не его шея, не его ноги! Они принадлежали какому-то серому коню.

Какому-то?! Какому-то?!

— Нет, нет, нет! — отчаянно забормотал Адриан, но вместо слов изо рта вырвалось слабое ржание.

— Не нагляделся на себя еще? — захохотала ведьма. — Не налюбовался? Хорош, хорош, настоящий красавчик! Беги, кому сказано! Беги, ну!

Адриан с трудом поднялся, пытаясь осознать, что и серое тело, и ноги, задние сплошь серые, передние в белых чулках, и грива, которая моталась туда-сюда и лезла в глаза, и огромная тяжелая голова — все это теперь он. Вернее, он закован в неуклюжее, несдвигаемое конское тело!

Да он ни одной из четырех ног шевельнуть не может, не то что бежать куда-то!

— Ну, мне это надоело! — проворчала ведьма и, оглядевшись, шагнула к большим ящикам, стоящим у стены.

В одном был песок, в другом земля. Адриан видел эти ящики впервые, но откуда-то знал, что песком посыпали дорожки в большом манеже, где его и всех других коней тренировали по прыжкам через препятствия. А из земли разбили клумбы у ворот школы и насажали там каких-то красивых цветов: белых, с желтыми и оранжевыми тычинками. В первый же день, возвращаясь с поездки, несколько соседей Адриана по конюшне поели этих цветов и разболелись. После этого все красивые цветы выкопали, клумбы вообще срыли, а землю ссыпали в деревянный ящик.

«Откуда я все это знаю?! — ужаснулся Адриан. — Я никогда не видел этих клумб — но почему я ясно вижу эти цветы... это нарциссы, я их узнал».

«Нарцисс? — удивился кто-то в его голове. — У нас в конюшне есть конь с такой кличкой».

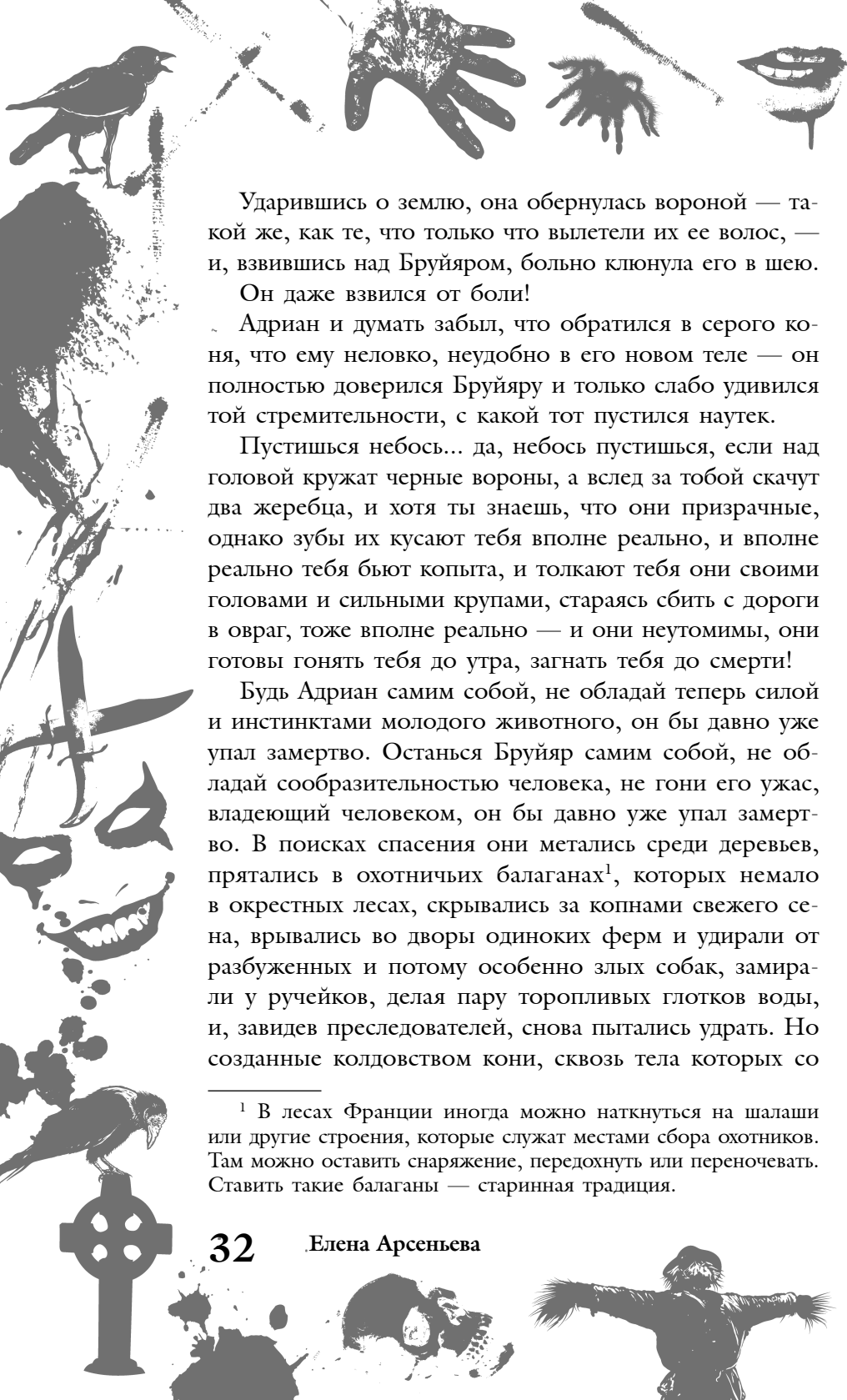
И Адриан вдруг понял, что это размышляет Бруйяр. Мысли и воспоминания коня слились с мыслями человека, и они стали одним существом!

Ну да, будущий лицеист Адриан Марсо стал серым конем Бруйяром...

Пока он дрожал мелкой дрожью, пытаясь осознать этот ужас, ведьма двумя руками зачерпнула песка и земли, потом разжала пальцы и дважды топнула в середину песчаной и земляной кучки. И едва успела отскочить в сторону, как перед ней появились два коня: пегий и вороной.

— Гоняйте этого дурака, пока не свалится замертво, — холодно приказала им ведьма. — Мои птицы вам помогут. Впрочем, я сама вас поведу!

Ударившись о землю, она обернулась вороной — такой же, как те, что только что вылетели из ее волос, — и, взвившись над Бруйяром, больно клюнула его в шею.

Он даже взвился от боли!

Адриан и думать забыл, что обратился в серого коня, что ему неловко, неудобно в его новом теле — он полностью доверился Бруйяру и только слабо удивился той стремительности, с какой тот пустился наутек.

Пустишься небось... да, небось пустишься, если над головой кружат черные вороны, а вслед за тобой скачут два жеребца, и хотя ты знаешь, что они призрачные, однако зубы их кусают тебя вполне реально, и вполне реально тебя бьют копыта, и толкают тебя они своими головами и сильными крупами, стараясь сбить с дороги в овраг, тоже вполне реально — и они неутомимы, они готовы гонять тебя до утра, загнать тебя до смерти!

Будь Адриан самим собой, не обладай теперь силой и инстинктами молодого животного, он бы давно уже упал замертво. Останься Бруйяр самим собой, не обладай сообразительностью человека, не гони его ужас, владеющий человеком, он бы давно уже упал замертво. В поисках спасения они металась среди деревьев, прятались в охотничьих балаганах¹, которых немало в окрестных лесах, скрывались за копнами свежего сена, врывались во дворы одиноких ферм и удирали от разбуженных и потому особенно злых собак, замирали у ручейков, делая пару торопливых глотков воды, и, завидев преследователей, снова пытались удрать. Но созданные колдовством кони, сквозь тела которых со

¹ В лесах Франции иногда можно наткнуться на шалаши или другие строения, которые служат местами сбора охотников. Там можно оставить снаряжение, передохнуть или переночевать. Ставить такие балаганы — старинная традиция.

свистом проходил ветер, и черные птицы, шумно хлопающие крыльями, снова и снова настигали их, подбадриваемые злорадным карканьем вороны-ведьмы, летящей над лесами и полями, неумоимо ведя свою стаю, непостижимым чутьем находя следы Бруйяра в самых укромных ущельях, в самых густых чащах.

Наконец небо посветлело, настало утро. Солнце поднималось все выше. Еле держась на ногах, серый конь, загнанный в глубину лесов, наконец вырвался на шоссе, и перед глазами Адриана мелькнула надпись на дорожном указателе: «Самбур, 4 км».

Самбур! От него до Френа рукой подать! Бруйяр, которому, очевидно, передалось знание Адриана, прибавил ходу, стремясь в родную конюшню, уверенный, что там найдет спасение. Однако кони и вороны заставили его свернуть с дороги в Самбур и погнали вдоль путей TGV.

С одной стороны тропы тянулась сетка, огораживающая рельсы. С другой — вздымался довольно крутой каменистый склон.

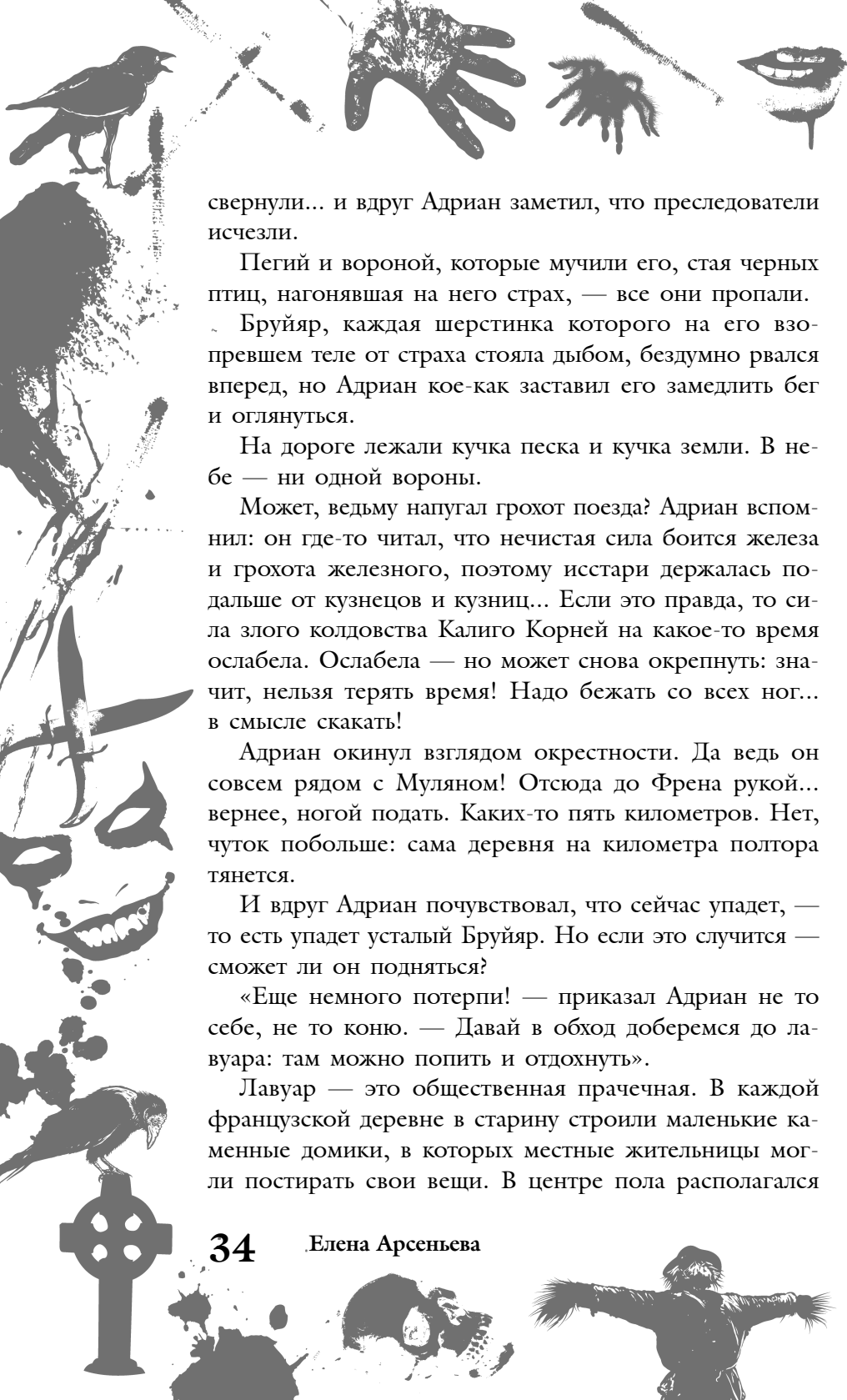
Никуда не свернуть! Не спастись!

Чего хочет ведьма? Может быть, заставить их подняться на показавшийся впереди мост и броситься на рельсы? Вот и состав приближается...

Бруйяр мчался вперед, прижав уши. Он вскочил на мост в то мгновение, когда два скоростных поезда, просвистев, прогрохотали вниз.

Серый конь будто с ума сошел от страха! С перепугу он помчался еще быстрее — вороной и пегий даже немного приотстали. Адриан краем глаз заметил двух девочек с велосипедами, которые испуганно наблюдали за бешеной скачкой. Каким-то чудом кони их не задели и, слетев с моста, взмыли на небольшой холм,

свернули... и вдруг Адриан заметил, что преследователи исчезли.

Пегий и вороной, которые мучили его, стая черных птиц, нагонявшая на него страх, — все они пропали.

Бруйяр, каждая шерстинка которого на его взор-превшем теле от страха стояла дыбом, бездумно рвался вперед, но Адриан кое-как заставил его замедлить бег и оглянуться.

На дороге лежали кучка песка и кучка земли. В небе — ни одной вороны.

Может, ведьму напугал грохот поезда? Адриан вспомнил: он где-то читал, что нечистая сила боится железа и грохота железного, поэтому истари держалась подальше от кузнецов и кузниц... Если это правда, то сила злого колдовства Калиго Корней на какое-то время ослабела. Ослабела — но может снова окрепнуть: значит, нельзя терять время! Надо бежать со всех ног... в смысле скакать!

Адриан окинул взглядом окрестности. Да ведь он совсем рядом с Муляном! Отсюда до Френа рукой... вернее, ногой подать. Каких-то пять километров. Нет, чуток побольше: сама деревня на километра полтора тянется.

И вдруг Адриан почувствовал, что сейчас упадет, — то есть упадет усталый Бруйяр. Но если это случится — сможет ли он подняться?

«Еще немного потерпи! — приказал Адриан не то себе, не то коню. — Давай в обход доберемся до лавуара: там можно попить и отдохнуть».

Лавуар — это общественная прачечная. В каждой французской деревне в старину строили маленькие каменные домики, в которых местные жительницы могли постирать свои вещи. В центре пола располагался

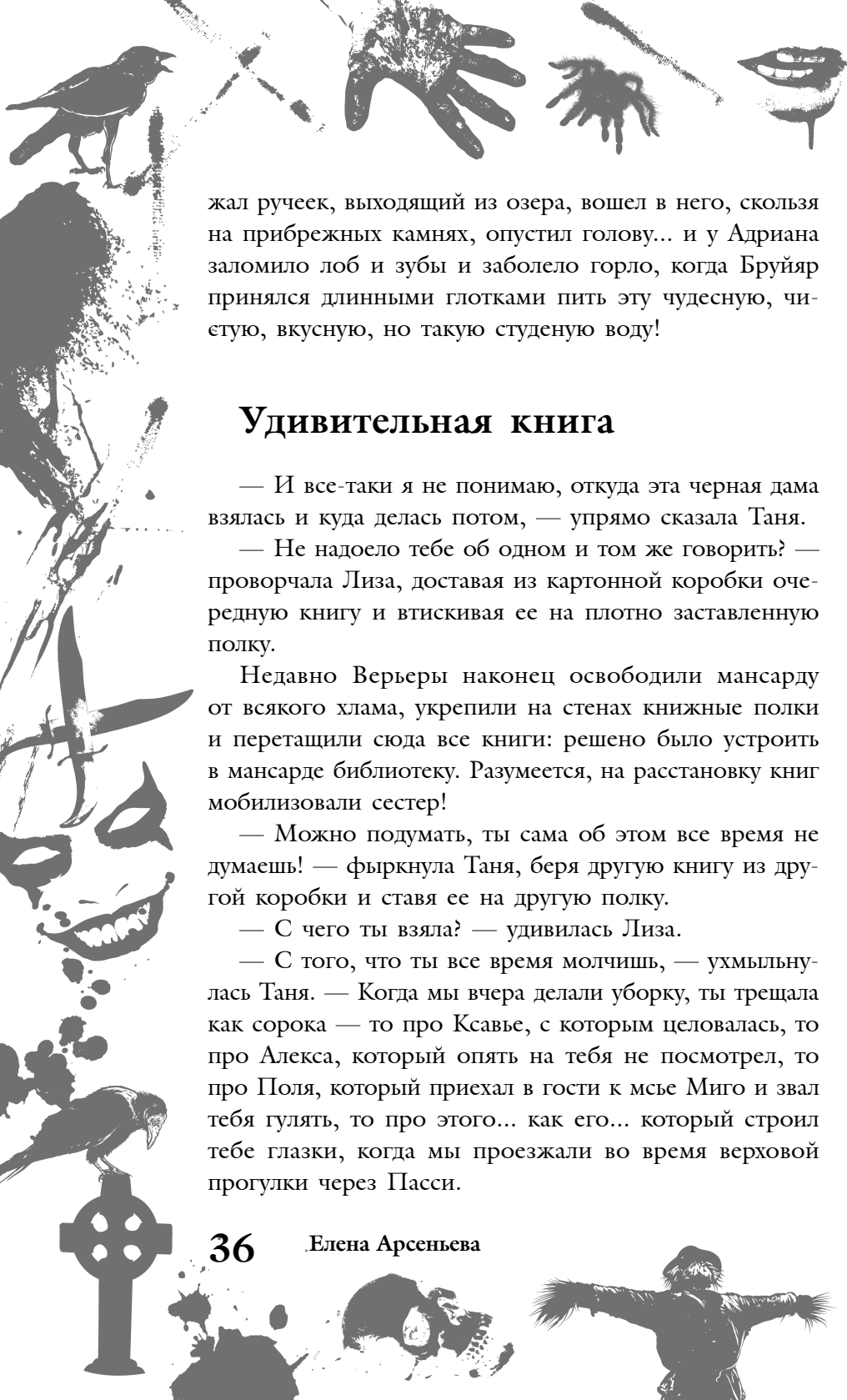
длинный прямоугольный бассейн. Вода из речек, или горных озер, или подземных источников постоянно втекала в бассейн через одну трубу, а вытекала через другую. Прачки становились на колени на выложенный каменными плитами пол и стирали белье в проточной воде. Над краями бассейна были укреплены вешалки для выстиранных вещей...

Лавуар во Френе стоял на виду, на самом въезде в деревню, а в Муляне, насколько помнил Адриан, — в низине, за огородами. Туда можно было попасть, проскакав напрямик через всю деревню, или окольными путями добраться до дороги, ведущей в городок Нуайер, а оттуда свернуть к густой роще, окружающей лавуар.

Бруйяр то ли уже бывал в Муляне во время прогулок со всадниками, то ли у него не осталось сил спорить с Адрианом, то ли он просто доверился человеку, вместе с которым только что спасся от мучений, — во всяком случае, конь покорно добрел до въезда в деревню и боковыми пустынными улицами добрался до дороги в Нуайер. И вот Адриан с облегчением увидел опушку рощи и устремился туда, чувствуя, что Бруйяр идет уже из последних сил: его копыта разрезжались на покрытом ветками плюща каменистом скользком склоне, который вел к низенькому домику.

В отличие от других лавуаров, выстроенных несколько веков назад и порядком замшелых, этот, видимо, появился не столь давно. Но оттуда все равно доносилось журчание воды, и у коня сразу прибавилось сил! Впрочем, он попятился от низкой двери лавуара, не пошел внутрь, где мог бы напиться из бассейна; из небольшого озерца, затянутого ряской и заросшего камышом, тоже не стал пить. Он побрел чуть дальше — туда, где бе-

жал ручеек, выходящий из озера, вошел в него, скользя на прибрежных камнях, опустил голову... и у Адриана заломило лоб и зубы и заболело горло, когда Бруйяр принялся длинными глотками пить эту чудесную, чистую, вкусную, но такую студеную воду!

Удивительная книга

— И все-таки я не понимаю, откуда эта черная дама взялась и куда делась потом, — упрямо сказала Таня.

— Не надоело тебе об одном и том же говорить? — проворчала Лиза, доставая из картонной коробки очередную книгу и втискивая ее на плотно заставленную полку.

Недавно Верьеры наконец освободили мансарду от всякого хлама, укрепили на стенах книжные полки и перетащили сюда все книги: решено было устроить в мансарде библиотеку. Разумеется, на расстановку книг мобилизовали сестер!

— Можно подумать, ты сама об этом все время не думаешь! — фыркнула Таня, беря другую книгу из другой коробки и ставя ее на другую полку.

— С чего ты взяла? — удивилась Лиза.

— С того, что ты все время молчишь, — ухмыльнулась Таня. — Когда мы вчера делали уборку, ты трещала как сорока — то про Ксавье, с которым целовалась, то про Алекса, который опять на тебя не посмотрел, то про Поля, который приехал в гости к мсье Миго и звал тебя гулять, то про этого... как его... который строил тебе глазки, когда мы проезжали во время верховой прогулки через Пасси.

— Его зовут Николая, — высокомерно сообщила Лиза. — Ни-ко-ля! Такое простое имя — неужели трудно запомнить?!

— А зачем мне его запоминать? — засмеялась Таня. — Завтра будешь трещать уже про кого-нибудь другого! Ты же не можешь не хвастаться своими поклонниками!

— Потому что мне есть чем хвастать, а завидовать нехорошо, — наставительно изрекла Лиза.

— Очень надо! — обиделась Таня.

Она и правда не завидовала. Ну и что, что у Лизы много кавалеров! Они появляются и исчезают, а у Тани есть в Париже Юго — друг детства, который плавно перешел в друга юности. По нему вздыхают все девчонки в классе, а он всю жизнь, с самой эколь матернель¹, вздыхает по Тане, и это всем известно!

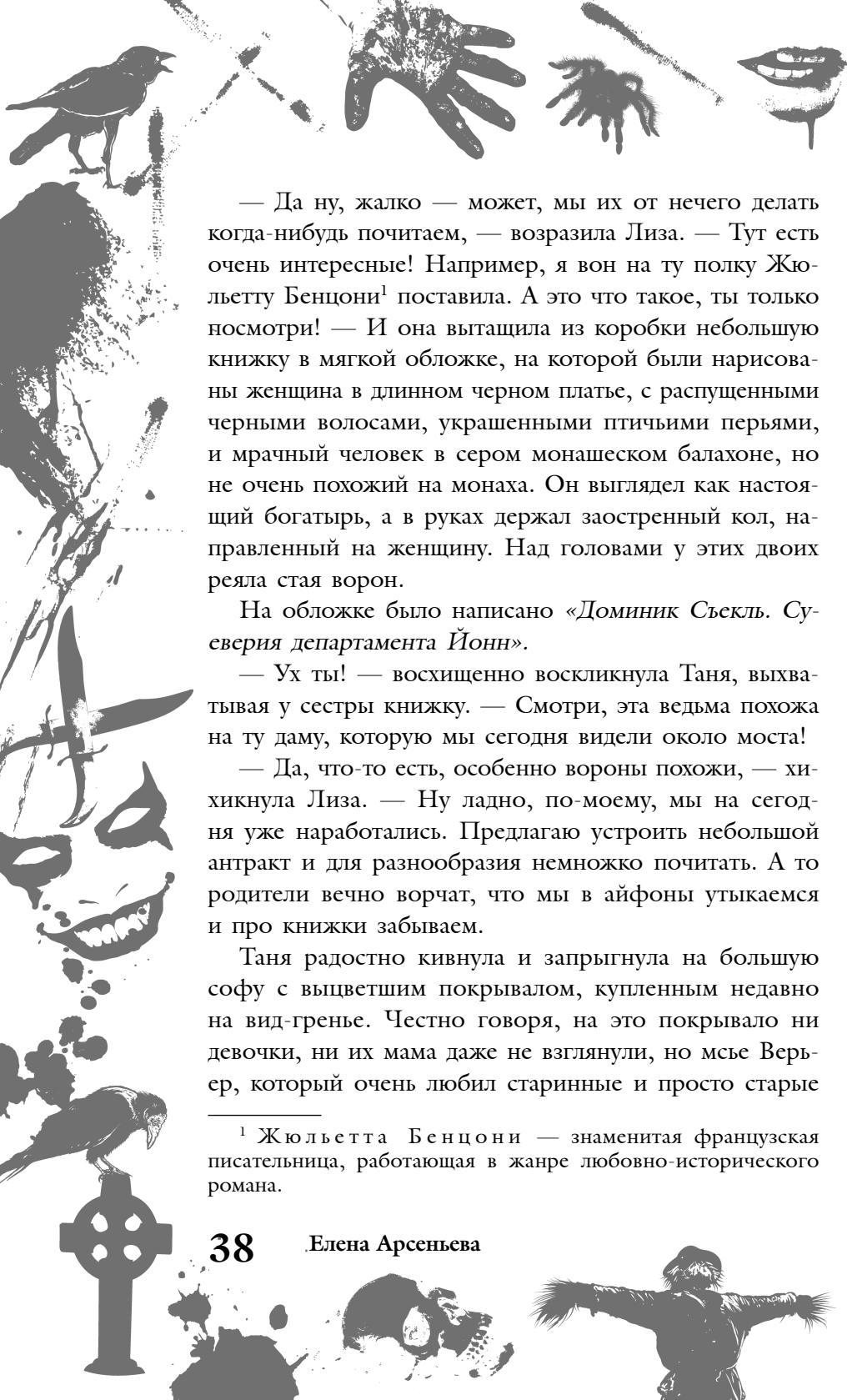
Некоторое время сестрички молча расставляли книги, потом Лиза, которая терпеть не могла даже самых незначительных ссор с сестрой, пробормотала примирительно:

— Может, пойдем прогуляемся?

— Я не хочу идти вниз, — живо ответила Таня, которая тоже терпеть не могла ссориться. — Мама обязательно что-нибудь придумает: в саду цветы прополоть, стену дома или ограду от плюща очистить, пыль вытереть в салоне. Ну, ты понимаешь. А книжки ставить — это хотя бы интересно. Только их что-то слишком много! Папа перевез сюда все, которые уже прочитали, но в Париже все равно еще ужас сколько осталось. Лучше бы он их к букинистам отнес.

¹ Эколь матернель — материнская школа (франц.). Так во Франции называется детский сад.

— Да ну, жалко — может, мы их от нечего делать когда-нибудь почитаем, — возразила Лиза. — Тут есть очень интересные! Например, я вон на ту полку Жюльетту Бенцони¹ поставила. А это что такое, ты только посмотри! — И она вытащила из коробки небольшую книжку в мягкой обложке, на которой были нарисованы женщина в длинном черном платье, с распущенными черными волосами, украшенными птичьими перьями, и мрачный человек в сером монашеском балахоне, но не очень похожий на монаха. Он выглядел как настоящий богатырь, а в руках держал заостренный кол, направленный на женщину. Над головами у этих двоих реяла стая ворон.

На обложке было написано «*Доминик Съекль. Суверия департамента Йонн*».

— Ух ты! — восхищенно воскликнула Таня, выхватывая у сестры книжку. — Смотри, эта ведьма похожа на ту даму, которую мы сегодня видели около моста!

— Да, что-то есть, особенно вороны похожи, — хихикнула Лиза. — Ну ладно, по-моему, мы на сегодня уже наработались. Предлагаю устроить небольшой антракт и для разнообразия немножко почитать. А то родители вечно ворчат, что мы в айфоны утыкаемся и про книжки забываем.

Таня радостно кивнула и запрыгнула на большую софу с выцветшим покрывалом, купленным недавно на вид-гренье. Честно говоря, на это покрывало ни девочки, ни их мама даже не взглянули, но мсье Верьер, который очень любил старинные и просто старые

¹ Жюльетта Бенцони — знаменитая французская писательница, работающая в жанре любовно-исторического романа.

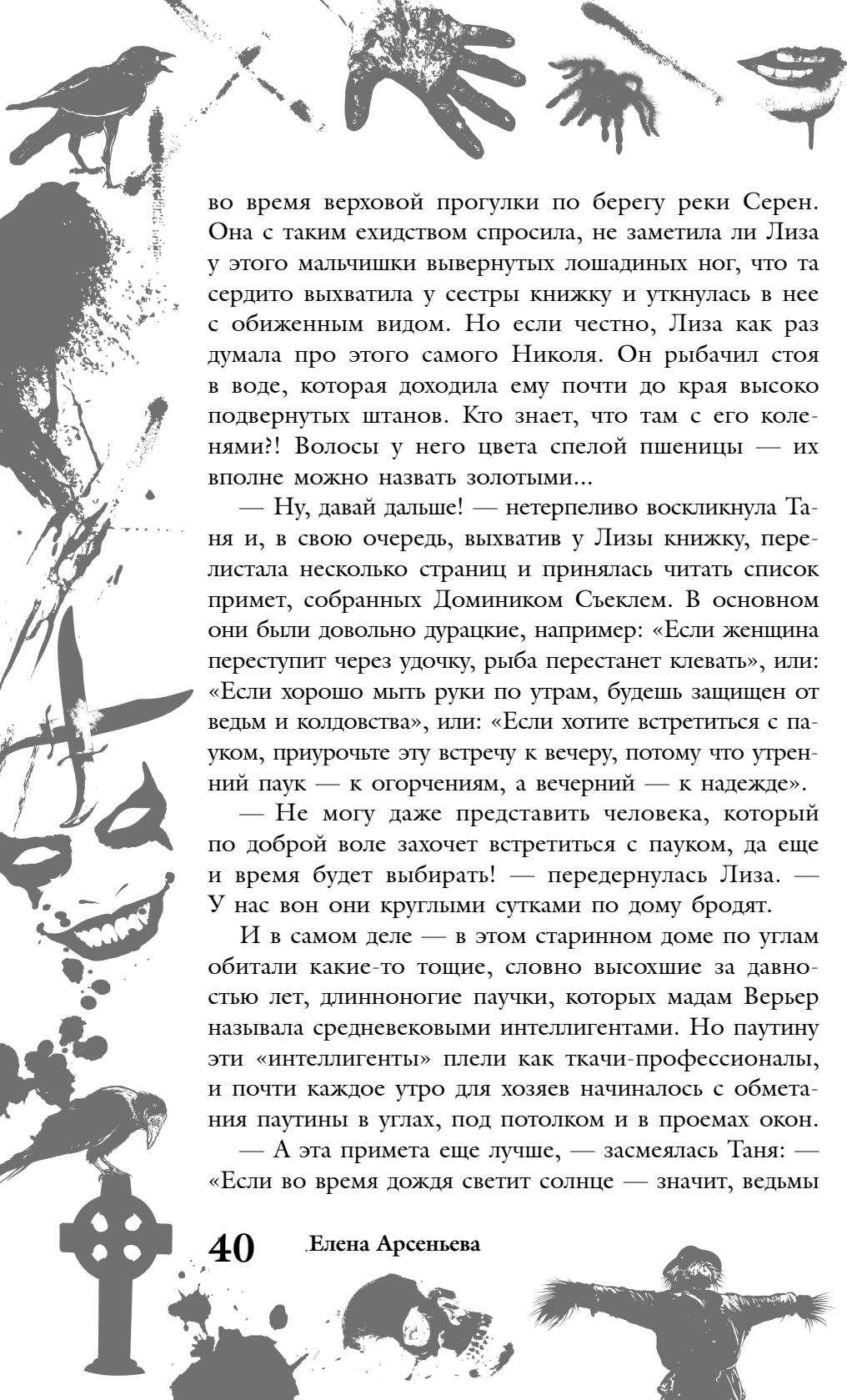
вещи, покрывало купил и торжественно застелил им софу — кстати, тоже старую или даже старинную, как и вся мебель в доме.

Лиза уселась рядом с сестрой, и девочки принялись перелистывать страницы. Вскоре они поняли, что в руки им попало настоящее сокровище! Похоже, автор очень любил лошадей, потому что им посвящалось много удивительных историй. Скажем, там был рассказ о белой лошади, при встрече с которой ночью следовало трижды топнуть пяткой и загадать желание, и оно должно было непременно исполниться. Были истории про водяных лошадей: например, про маленькую черную лошадку, которая приманивала к себе детей, но стоило кому-то на нее сесть, как она уносила ребенка в воду — и он уже никогда не возвращался обратно.

Среди всех таких рассказов один посвящался оборотню по прозвищу Николая-из-под-моста. Он среди ночи вдруг выныривал из-под какого-нибудь моста на реке Серен и просил случайного путника помочь ему выбраться из воды. Сведущий человек засмеется и пойдет своей дорогой, а несведущий руку подаст — и вытащит золотоволосого юнца с мало того что лошадиными, да еще и коленями назад вывернутыми ногами. Ох и страху натерпится прохожий, хотя зла Николая-из-под-моста никому не сделает. А по ночам он играет на скрипке. На невидимой скрипке! Сидит на мосту, водит рукой по воздуху — и раздаются чудесные тихие звуки. Говорят, если его попросить, он может обучить желающих играть — только неизвестно, где невидимую скрипку раздобыть.

Таня над этой историей здорово повеселилась, вспоминая того Николая, с которым Лиза перемигивалась

во время верховой прогулки по берегу реки Серен. Она с таким ехидством спросила, не заметила ли Лиза у этого мальчишки вывернутых лошадиных ног, что та сердито выхватила у сестры книжку и уткнулась в нее с обиженным видом. Но если честно, Лиза как раз думала про этого самого Николая. Он рыбачил стоя в воде, которая доходила ему почти до края высоко подвернутых штанов. Кто знает, что там с его коленями?! Волосы у него цвета спелой пшеницы — их вполне можно назвать золотыми...

— Ну, давай дальше! — нетерпеливо воскликнула Таня и, в свою очередь, выхватив у Лизы книжку, перелистала несколько страниц и принялась читать список примет, собранных Домиником Съеклем. В основном они были довольно дурацкие, например: «Если женщина переступит через удочку, рыба перестанет клевать», или: «Если хорошо мыть руки по утрам, будешь защищен от ведьм и колдовства», или: «Если хотите встретиться с пауком, приурочьте эту встречу к вечеру, потому что утренний паук — к огорчениям, а вечерний — к надежде».

— Не могу даже представить человека, который по доброй воле захочет встретиться с пауком, да еще и время будет выбирать! — передернулась Лиза. — У нас вон они круглыми сутками по дому бродят.

И в самом деле — в этом старинном доме по углам обитали какие-то тощие, словно высохшие за давностью лет, длинноногие паучки, которых мадам Верьер называла средневековыми интеллигентами. Но паутину эти «интеллигенты» плели как ткачи-профессионалы, и почти каждое утро для хозяев начиналось с обметания паутины в углах, под потолком и в проемах окон.

— А эта примета еще лучше, — засмеялась Таня: — «Если во время дождя светит солнце — значит, ведьмы

жарят блины!»! А вот еще, слушай: «Если на дороге вдруг оказалась лента или небольшая веревочка, трогать ее нельзя, поскольку там притаилась ведьма».

— Надоело про приметы, — зевнула Лиза, перелистывая еще десяток страниц. — О, вот, смотри! Это интереснее! Рассказ называется «Ведьма Калиго Корней и колдун Дэвэн Марсо». Наверное, это они нарисованы на обложке!

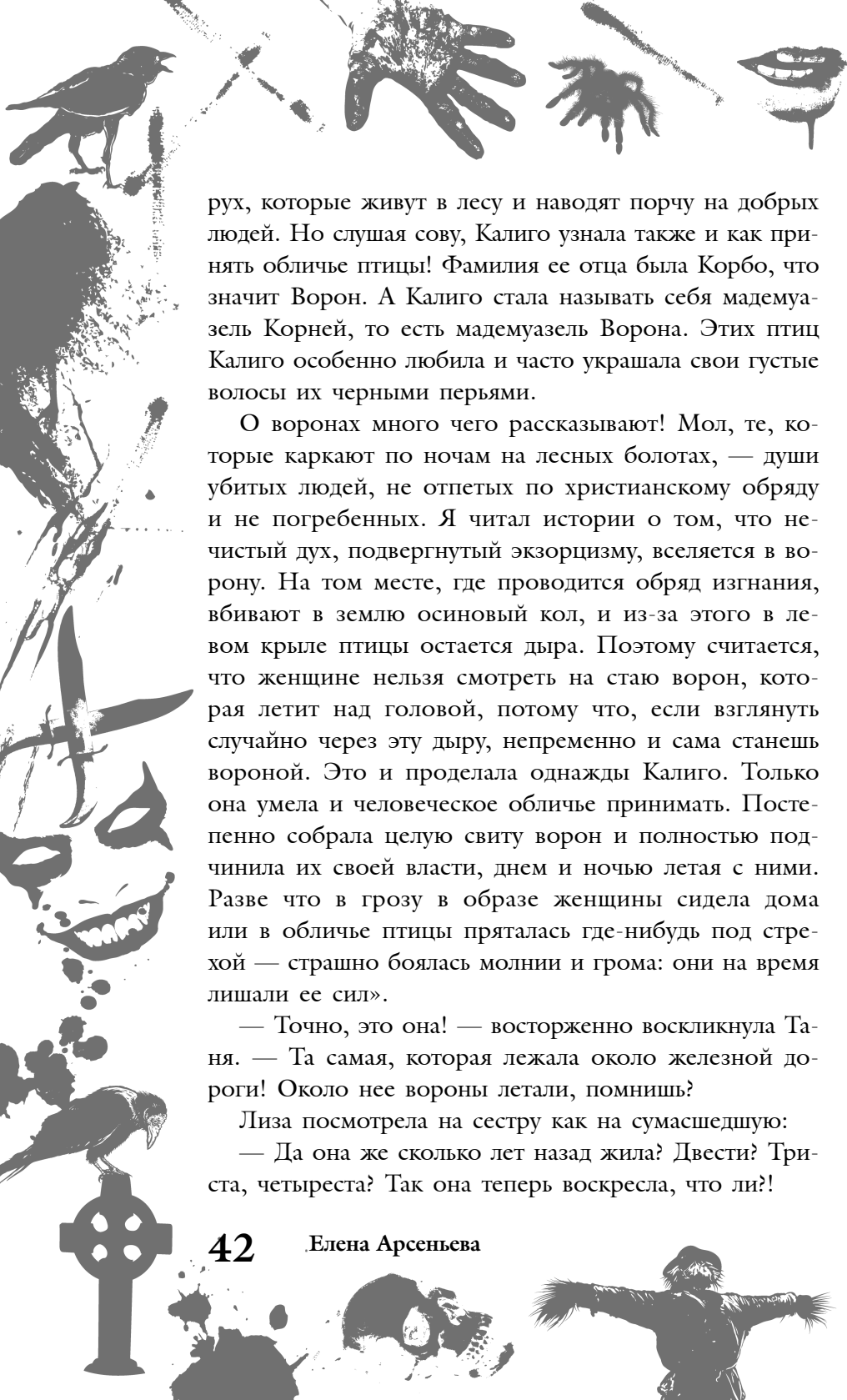
— Странно, что колдуна зовут Колдуном, — ухмыльнулась Таня. — Ну ладно, давай почитаем.

Девочки наклонились над книгой — и с первых же слов забыли обо всем на свете!

«Как говорят в народе: если человек чихнет и никто не скажет ему «Да благословит тебя бог!» — власть над ним приобретет ведьма. Не иначе что-то подобное произошло с родителями Калиго Корней! Не пойму, что было у них в голове, когда они дали ей такое имя! Судя по некоторым сведениям, ее отцу — а он служил писарем у какого-то графа, ну и возомнил себя ученым — очень нравилась латынь. Почему из множества красивых латинских слов он выбрал то, которое означает «тьма», не знаю. Не пошла ему на пользу ученость, да и дочке беду принесла!

Калиго всегда была странная, дикая какая-то, хоть и красивая — по слухам, глаз не отвести. С людьми и животными она не очень-то ладила, зато любила птиц. Однажды вылечила сову со сломанным крылом, и та в благодарность научила Калиго птичьему языку и рассказала ей все, что знала сама. Совы летают ночью, а потому им ведомо многое из того, что непостижимо людям. Калиго тоже научилась летать... Говорят, что ведьмовство было у девчонки в крови: якобы ее прабабка считалась сильной ведьмой, одной из тех ста-

рух, которые живут в лесу и наводят порчу на добрых людей. Но слушая сову, Калиго узнала также и как принять обличье птицы! Фамилия ее отца была Корбо, что значит Ворон. А Калиго стала называть себя мадемуазель Корней, то есть мадемуазель Ворона. Этих птиц Калиго особенно любила и часто украшала свои густые волосы их черными перьями.

О воронах много чего рассказывают! Мол, те, которые каркают по ночам на лесных болотах, — души убитых людей, не отпетых по христианскому обряду и не погребенных. Я читал истории о том, что нечистый дух, подвергнутый экзорцизму, вселяется в ворону. На том месте, где проводится обряд изгнания, вбивают в землю осиновый кол, и из-за этого в левом крыле птицы остается дыра. Поэтому считается, что женщине нельзя смотреть на стаю ворон, которая летит над головой, потому что, если взглянуть случайно через эту дыру, непременно и сама станешь вороной. Это и проделала однажды Калиго. Только она умела и человеческое обличье принимать. Постепенно собрала целую свиту ворон и полностью подчинила их своей власти, днем и ночью летая с ними. Разве что в грозу в образе женщины сидела дома или в обличье птицы пряталась где-нибудь под стрехой — страшно боялась молнии и грома: они на время лишали ее сил».

— Точно, это она! — восторженно воскликнула Тая. — Та самая, которая лежала около железной дороги! Около нее вороны летали, помнишь?

Лиза посмотрела на сестру как на сумасшедшую:

— Да она же сколько лет назад жила? Двести? Триста, четыреста? Так она теперь воскресла, что ли?!

Таня пожалала плечами и продолжила читать:

— «Много зла совершила она со своими воронами, но, как говорится, даже ведьма может упасть с метлы — то есть не миновать и ей беды, и она поплатится за свои злодеяния. Так и случилось, когда перехлестнулись пути Калиго Корней и Дэвэна Марсо...

Я раньше упоминал о черной лошади, которая уносила детей в воду. Калиго о всякой такой нечисти хорошо знала! Она легко оборачивалась вороной, а еще умела превращать людей в лошадей, которые потом попадали в ее полную власть. Как она это делала — неведомо. Впрочем, она умела обращать людей и животных в камень и даже в деревья. А с этой черной лошадью связана история смертельной вражды, вспыхнувшей между Калиго и Дэвэном Марсо.

Калиго очень ревниво относилась к способностям Марсо, который, в отличие от нее, был добрым колдуном. Наверное, добро и помогало ему вылечивать людей даже от самых тяжелых болезней. Иногда он совершал истинные чудеса и в самой малости. Однажды, возвращаясь из долгой поездки, он остановился перед каким-то домом и попросил воды для коня. Но хозяйка никак не могла найти ведро. Тогда колдун Марсо сказал: «Бери сито, черпай им из бочки и давай мне!» Хозяйка зачерпнула — и чуть не померла от изумления, увидев, что сито удерживало воду до тех пор, пока конь и всадник не напились вволю».

— Это какое-то вранье! — возмутилась Лиза.

— Зато интересно, — хихикнула Таня и стала читать дальше: «Калиго была черной ведьмой, душу дьяволу продавшей, поэтому уступала колдуну Марсо в силе. Наведет она на кого-нибудь в округе порчу — а кол-

дун Марсо ее снимет. Влюбится девушка в женатого, захочет увести его из семьи, Калиго даст ей приворотного зелья, у мужчины голова кругом пойдет — ну, колдун Марсо его в разум вернет, а тот потом и понять не может, с чего это его от доброй жены вдруг повлекло на сторону... Пошлет Калиго своих ворон на поля к неугодному ей человеку, чтобы колосья вышелушили, урожай загубили, или в сад кому-то, чтобы яблоки поклевали, или на виноградник, чтобы завязь оборвали, — а колдун Марсо наведет чары, будто стая орлов приближается, вороны и улетят прочь как ополумевшие... И вот заела Калиго зависть, и решила ведьма отомстить сопернику, а заодно и его жене Анн-Мари, которая лучше всех в деревне пекла хлеб, и к ней все носили муку, а забирали готовый хлеб. Очень удавался ей хлеб с тмином, ну а ведьмам, следует знать, тмин ненавистен, особенно его семена, потому что с их помощью можно защититься от темных сил и сглаза, то есть ведьме навредить. По ошибке мадам Марсо однажды отдала Калиго чужой хлеб, а та не заметила да и откусила кусок прямо с краю. Ее потом корчило и наизнанку выворачивало, вот и решила ведьма свести с мадам Марсо счеты. Однажды, когда колдун вышел куда-то со двора, вдруг налетела стая ворон, и каждая держала в когтях зажженный трут. Огонь упал на соломенную крышу, и дом Марсо вспыхнул. А одна ворона подлетела прямо к колдуну и сбросила ему на голову охапку горячей соломы. Сама сгорела, но и его подожгла. Однако в доме оставались его жена и семилетний сын Шарло, и колдун Марсо, не чувствуя боли, кинулся в огонь и вытащил их.

И тут Калиго, пролетев над ним в образе вороны, взмахом крыла помутила ему рассудок. На несколько минут, не больше, но этого хватило.

Рухнул колдун Марсо без памяти. Анн-Мари бросилась к нему. Она и не заметила, как откуда-то взялась маленькая черная лошадка, низенькая, как пони, и подошла к Шарло. А тот, как все деревенские дети, верхом ездил с малолетства. Лошадка к нему приласкалась — он схватился за узду да и взобрался в седло. И вдруг лошадка стремглав ринулась к лежащему посреди деревни озеру и скрылась в нем вместе с ребенком. Озеро было не слишком большое, но очень глубокое.

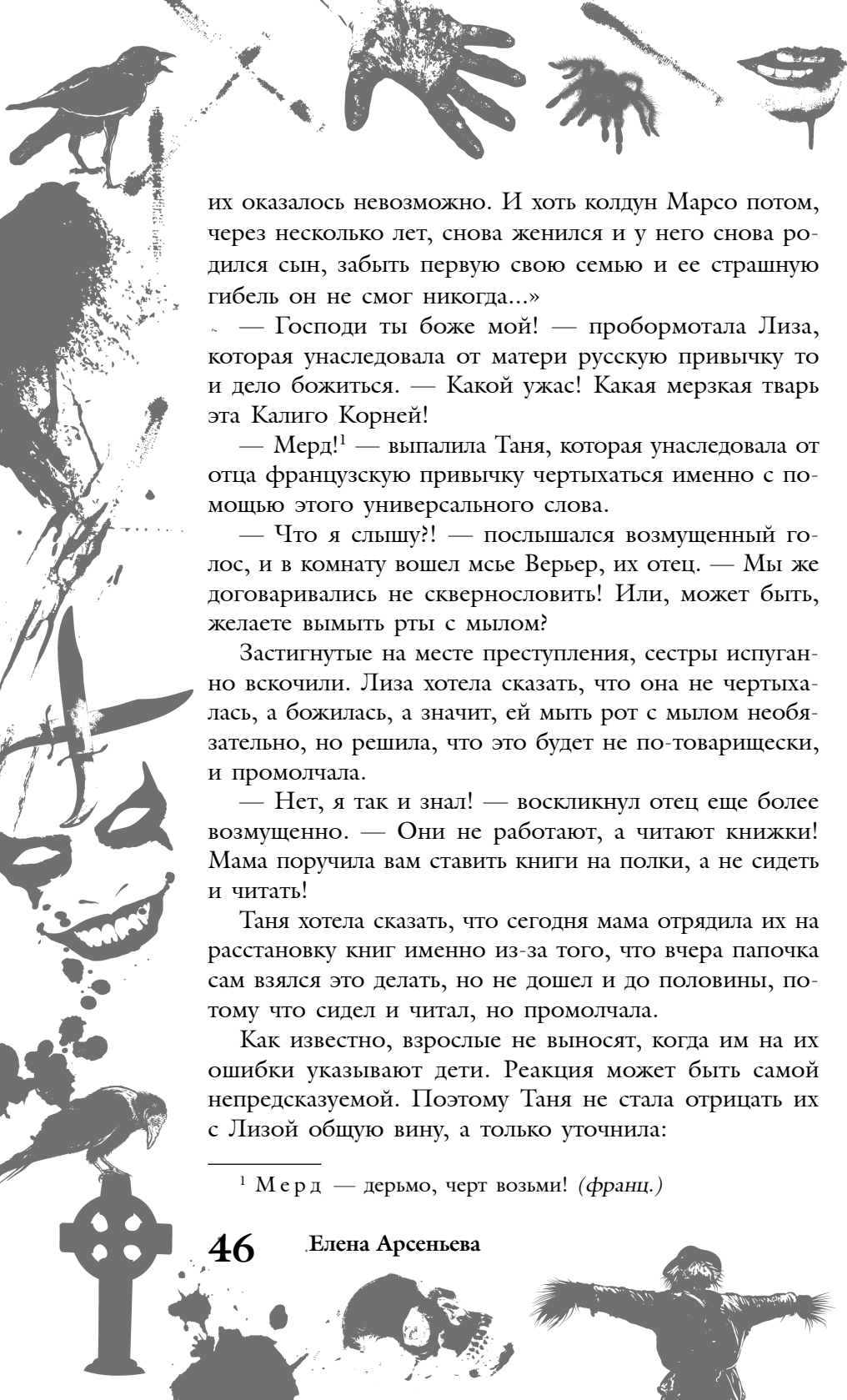
Спохватилась Анн-Мари, бросилась к воде — а по ней только пузыри пошли. Она вбежала в озеро, надеясь спасти сына, нырнула, но тут какая-то сила схватила ее и потащила на дно. Так она и утонула...

Очнулся колдун Марсо, да поздно!

Люди видели, как мальчик на лошадке ускакал, как бедная мать за ним в воду кинулась, но с места сдвинуться не смогли: Калиго на них чары навела. Потом, когда чары иссякли, когда начали искать утонувших, то вытащили из озера вместе с матерью и сыном еще и нищенку, которая невесть откуда накануне забрела в деревню. На шее у нее висела лошадиная узда, на спину было навьючено седло. Знать, именно ее Калиго обратила лошадью!

И дал тогда клятву колдун Марсо отомстить проклятой ведьме. Надо сказать, клятву свою он со временем сдержал, да только как ему это удалось, узнать я не смог. По некоторым сведениям, Марсо оставил после себя записки, но, вероятно, они пропали, ибо отыскать

их оказалось невозможно. И хоть колдун Марсо потом, через несколько лет, снова женился и у него снова родился сын, забыть первую свою семью и ее страшную гибель он не смог никогда...»

— Господи ты боже мой! — пробормотала Лиза, которая унаследовала от матери русскую привычку то и дело божиться. — Какой ужас! Какая мерзкая тварь эта Калиго Корней!

— Мерд!¹ — выпалила Таня, которая унаследовала от отца французскую привычку чертыхаться именно с помощью этого универсального слова.

— Что я слышу?! — послышался возмущенный голос, и в комнату вошел мсье Верьер, их отец. — Мы же договаривались не сквернословить! Или, может быть, желаете вымыть рты с мылом?

Застигнутые на месте преступления, сестры испуганно вскочили. Лиза хотела сказать, что она не чертыхалась, а божилась, а значит, ей мыть рот с мылом необязательно, но решила, что это будет не по-товарищески, и промолчала.

— Нет, я так и знал! — воскликнул отец еще более возмущенно. — Они не работают, а читают книжки! Мама поручила вам ставить книги на полки, а не сидеть и читать!

Таня хотела сказать, что сегодня мама отрядила их на расстановку книг именно из-за того, что вчера папочка сам взялся это делать, но не дошел и до половины, потому что сидел и читал, но промолчала.

Как известно, взрослые не выносят, когда им на их ошибки указывают дети. Реакция может быть самой непредсказуемой. Поэтому Таня не стала отрицать их с Лизой общую вину, а только уточнила:

¹ Мерд — дерьмо, черт возьми! (франц.)

— Вообще-то мы читаем только одну книжку.
— Да, папа, — подхватила Лиза, — и это такая книжка, что оторваться совершенно невозможно! Одна обложка чего стоит! Ты только посмотри!

— Ба! — изумленно воскликнул отец. — Так вот где она! А я ее искал, искал... Купил с огромным трудом, очень хотел попросить мсье Съекля оставить автограф — и не мог вспомнить, куда положил книжку. А ведь даже дочитать не успел!

— Ты что, знаешь этого Доминика Съекля? — спросила Таня, чуя, что гроза проходит стороной и даже, очень похоже, уже прошла.

— Да, мы встречались у одного букиниста в Париже, — кивнул мсье Верьер. — Потом иногда перезванивались. Он говорил, что разыскивает рукопись некоего колдуна былых времен, но ни в одной библиотеке не смог ее найти. В музеях ее тоже нет.

— Так он, наверное, разыскивает рукопись колдуна Марсо! — воскликнула Лиза. — Здесь как раз про это написано! Посмотри! — И она сунула в руки отцу «Суеверия в департаменте Йонн».

Как и следовало ожидать, мсье Верьер тут же плюхнулся на софу, где только что сидели его провинившиеся дочери, уткнулся в книжку и рассеянно пробормотал:

— Девочки, сходите в пубель¹, пожалуйста. Пакеты на крыльце.

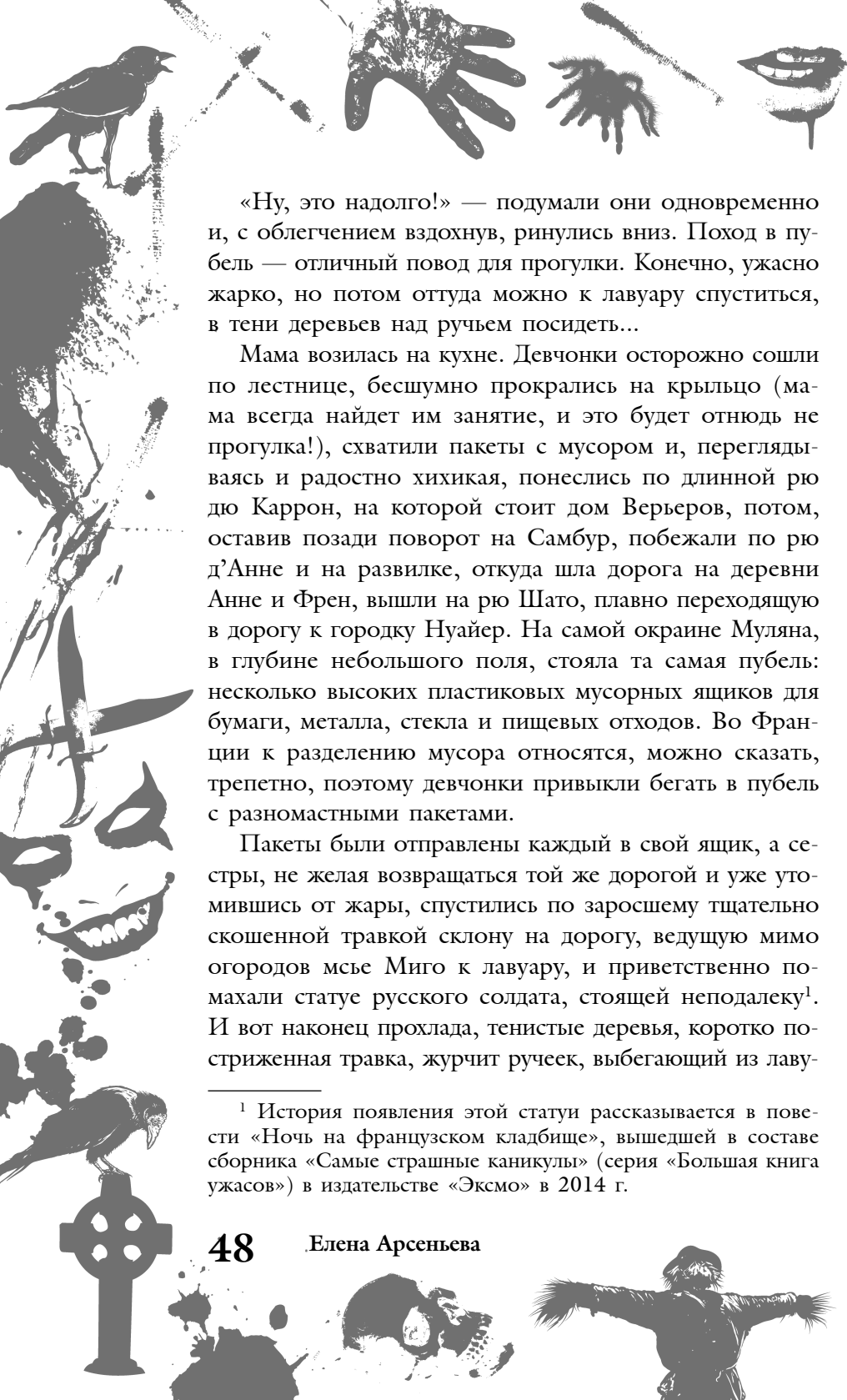
— А как же книги расставлять? — очень-очень, ну очень озабоченно спросила хитрая Таня.

— Я сам, а вы идите, вы... — пробормотал отец и умолк.

Сестры переглянулись.

¹ Пубель — мусорный ящик, место сбора мусора (франц.).

«Ну, это надолго!» — подумали они одновременно и, с облегчением вздохнув, ринулись вниз. Поход в пубель — отличный повод для прогулки. Конечно, ужасно жарко, но потом оттуда можно к лавуару спуститься, в тени деревьев над ручьем посидеть...

Мама возилась на кухне. Девчонки осторожно сошли по лестнице, бесшумно прокрались на крыльцо (мама всегда найдет им занятие, и это будет отнюдь не прогулка!), схватили пакеты с мусором и, переглядываясь и радостно хихикая, понеслись по длинной рю дю Каррон, на которой стоит дом Верьеров, потом, оставив позади поворот на Самбур, побежали по рю д'Анне и на развилке, откуда шла дорога на деревни Анне и Френ, вышли на рю Шато, плавно переходящую в дорогу к городку Нуайер. На самой окраине Муляна, в глубине небольшого поля, стояла та самая пубель: несколько высоких пластиковых мусорных ящиков для бумаги, металла, стекла и пищевых отходов. Во Франции к разделению мусора относятся, можно сказать, трепетно, поэтому девчонки привыкли бегать в пубель с разномастными пакетами.

Пакеты были отправлены каждый в свой ящик, а сестры, не желая возвращаться той же дорогой и уже утомившись от жары, спустились по заросшему тщательно скошенной травкой склону на дорогу, ведущую мимо огородов мсье Миго к лавуару, и приветственно помахали статуе русского солдата, стоящей неподалеку¹. И вот наконец прохлада, тенистые деревья, коротко стриженная травка, журчит ручеек, выбегающий из лаву-

¹ История появления этой статуи рассказывается в повести «Ночь на французском кладбище», вышедшей в составе сборника «Самые страшные каникулы» (серия «Большая книга ужасов») в издательстве «Эксмо» в 2014 г.

ара и теряющийся где-то на просторах огромного поля, окруженного пышной рощей. С одной стороны — дорога в Нуайер, с другой — дорога во Френ, а здесь, между склонами, — укутанная зеленью уютная низинка.

— Ну и жара на дороге, — простонала Таня. — Я хочу умыться.

— Я тоже, — кивнула Лиза, и девочки пошли на узкий мостик, пересекающий ручей. Умываться, стоя на краю ручья, было неудобно — того и гляди съедешь по каменистому берегу в воду, а тут присядешь на корточки, опустишь руки в воду — и плечи ее на себя сколько хочешь.

Сверху, из рощи, послышалось ржание. Девочки не удивились: сюда довольно часто приводят на выгул коней из Френа. Школа арендует пастбище у кого-то из жителей Муляна, но у кого именно, девочки не знали.

Вдруг послышался топот — и на полянку из рощи, легко перепрыгнув проволочную ограду, выскочил серый конь в белых чулках на передних ногах.

— Бруйяр? — шепнула удивленно Таня.

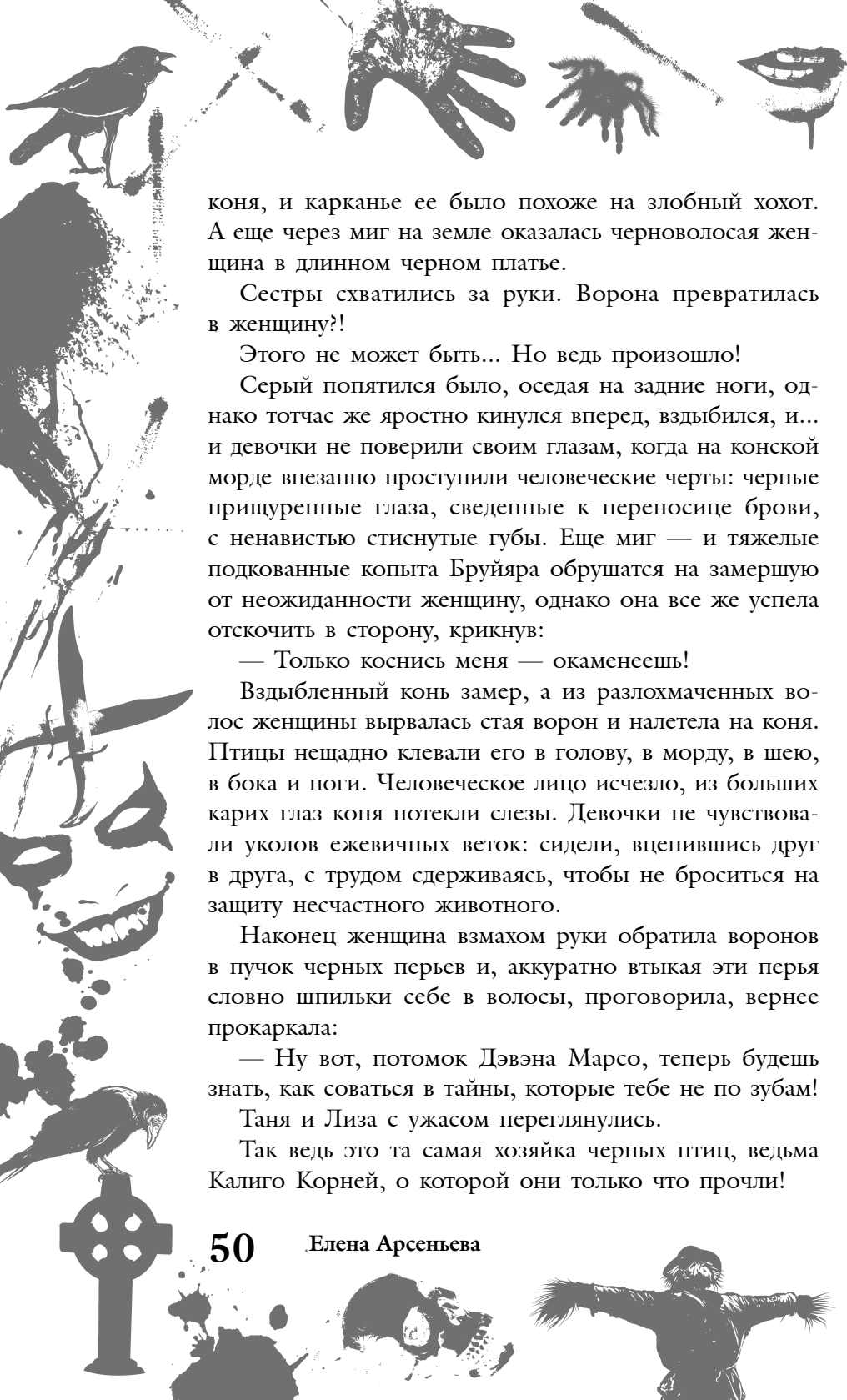
Лиза только кивнула, тараша глаза.

Ну точно, Бруйяр! Значит, он так и не вернулся во Френ? И до чего же странно себя ведет! Не взбесился ли он? Мечется, бьется о деревья, взбрыкивает и страшно ржет — аж пена летит... И правда взбесился. Надо держаться от него подальше!

Девочки перебежали по мостику на другой берег и хотели было взобраться по склону на дорогу, однако в воздухе вдруг словно просвистела злая стрела, и сестры, не сговариваясь, метнулись за кусты мелкой незрелой ежевики.

Со страхом смотрели они сквозь ветки на черную ворону, которая махала крыльями прямо перед мордой

коня, и карканье ее было похоже на злобный хохот. А еще через миг на земле оказалась черноволосая женщина в длинном черном платье.

Сестры схватились за руки. Ворона превратилась в женщину?!

Этого не может быть... Но ведь произошло!

Серый попятился было, оседая на задние ноги, однако тотчас же яростно кинулся вперед, вздыбился, и... и девочки не поверили своим глазам, когда на конской морде внезапно проступили человеческие черты: черные прищуренные глаза, сведенные к переносице брови, с ненавистью стиснутые губы. Еще миг — и тяжелые подкованные копыта Бруйяра обрушатся на замершую от неожиданности женщину, однако она все же успела отскочить в сторону, крикнув:

— Только коснись меня — окаменеешь!

Вздыбленный конь замер, а из разлохмаченных волос женщины вырвалась стая ворон и налетела на коня. Птицы нещадно клевали его в голову, в морду, в шею, в бока и ноги. Человеческое лицо исчезло, из больших карих глаз коня потекли слезы. Девочки не чувствовали уколов ежевичных веток: сидели, вцепившись друг в друга, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на защиту несчастного животного.

Наконец женщина взмахом руки обратила воронов в пучок черных перьев и, аккуратно втыкая эти перья словно шпильки себе в волосы, проговорила, вернее прокаркала:

— Ну вот, потомок Дэвэна Марсо, теперь будешь знать, как соваться в тайны, которые тебе не по зубам!

Таня и Лиза с ужасом переглянулись.

Так ведь это та самая хозяйка черных птиц, ведьма Калиго Корней, о которой они только что прочли!

Сладкая месть Калиго Корней

Бруйяр щипал мягкую травку, которая в изобилии росла около лавуара.

Адриан то и дело вспоминал оставленный во Френе недоеденный багет, тосковал о нем как о потерянном друге, но делать было нечего — приходилось есть то, что предлагали. «Ничего, побуду немного вегетарианцем!» — утешал он себя. Хотя эта зелень была ему совершенно не по вкусу (клевер еще ничего, остальное — бр-р!), все же голод постепенно утихал.

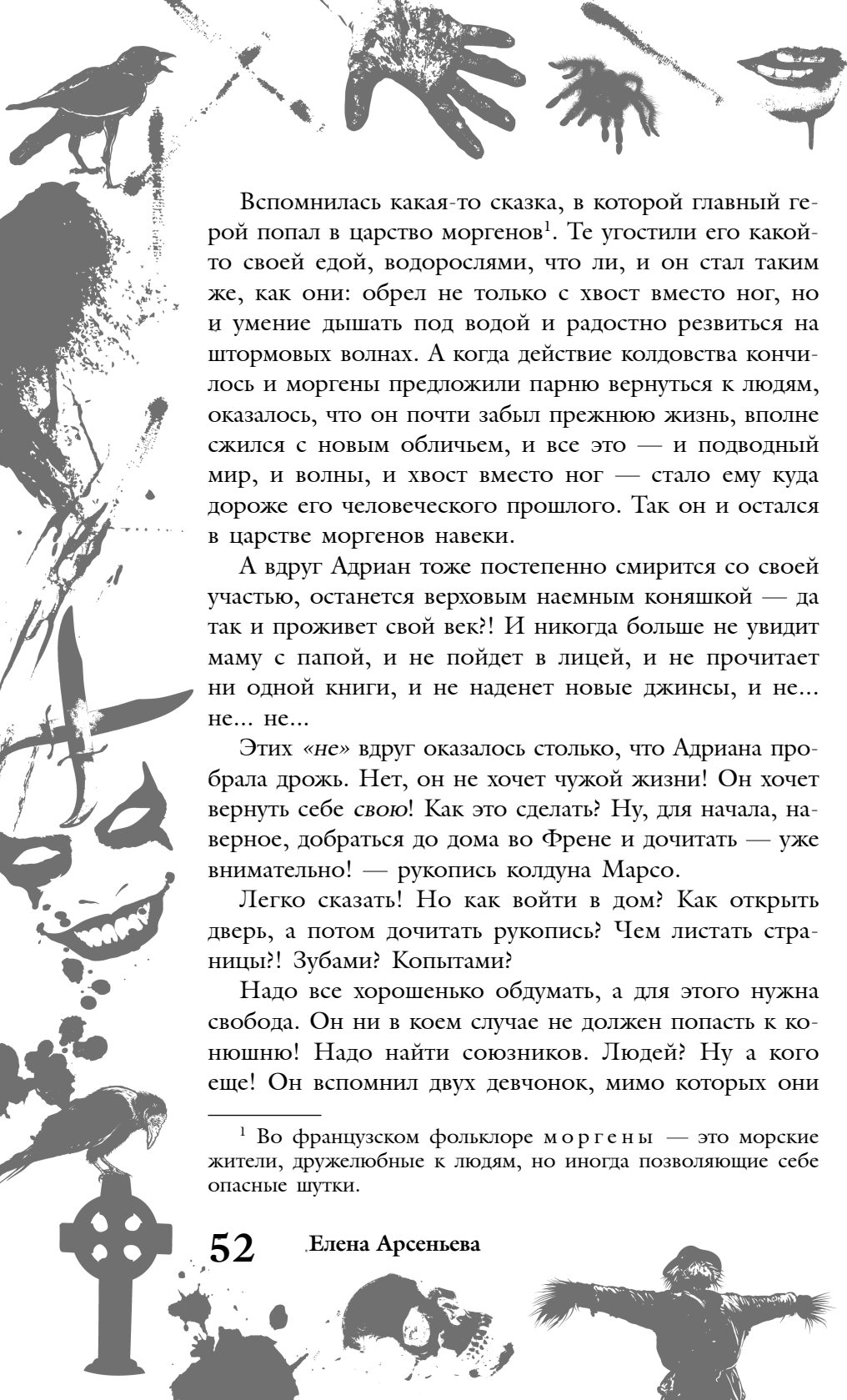
Бруйяр снова попил («Как можно выдуть столько ледяной воды?! Так и простудиться недолго!» — сердито подумал Адриан и неторопливо двинулся вверх по косогору. За деревьями показалась дорога, ведущая во Френ, и Бруйяр с упоением стал мечтать о своем деннике, об овсе в кормушке (зелень, конечно, хорошо, но овес куда лучше!), с умилением вспоминая седоков, которых очень любил катать: они любили его, а он — их...

Наевшийся Адриан тоже обрадовался было возвращению во Френ, домой, однако сразу спохватился. Домой?! Он вернется не в свой дом, а в конюшню, которую считал своим домом Бруйяр! Адриана ужаснуло, что его чувства и ощущения, пусть ненадолго, начинают совпадать с чувствами и ощущениями Бруйяра. Они вместе испытывали страх, усталость, голод и жажду — и вот теперь он... теперь он, человек, радуется возвращению в денник! Неужели на него так действовала съеденная трава?!

Воронья ведьма

51

Вспомнилась какая-то сказка, в которой главный герой попал в царство моргенов¹. Те угостили его какой-то своей едой, водорослями, что ли, и он стал таким же, как они: обрел не только с хвост вместо ног, но и умение дышать под водой и радостно резвиться на штормовых волнах. А когда действие колдовства кончилось и моргены предложили парню вернуться к людям, оказалось, что он почти забыл прежнюю жизнь, вполне сжился с новым обличьем, и все это — и подводный мир, и волны, и хвост вместо ног — стало ему куда дороже его человеческого прошлого. Так он и остался в царстве моргенов навеки.

А вдруг Адриан тоже постепенно смирится со своей участью, останется верховым наемным коняшкой — да так и проживет свой век?! И никогда больше не увидит маму с папой, и не пойдет в лицей, и не прочитает ни одной книги, и не наденет новые джинсы, и не... не... не...

Этих «не» вдруг оказалось столько, что Адриана пробрала дрожь. Нет, он не хочет чужой жизни! Он хочет вернуть себе свою! Как это сделать? Ну, для начала, наверное, добраться до дома во Френе и дочитать — уже внимательно! — рукопись колдуна Марсо.

Легко сказать! Но как войти в дом? Как открыть дверь, а потом дочитать рукопись? Чем листать страницы?! Зубами? Копытами?

Надо все хорошенько обдумать, а для этого нужна свобода. Он ни в коем случае не должен попасть к конюшню! Надо найти союзников. Людей? Ну а кого еще! Он вспомнил двух девчонок, мимо которых они

¹ Во французском фольклоре моргены — это морские жители, дружелюбные к людям, но иногда позволяющие себе опасные шутки.

с Бруйяром промчались по мосту. Девчонки наверняка видели, как серого скакуна клевали вороны, как его гнали другие кони, и наверняка поняли, что творится что-то неладное. Вот бы найти этих девчонок и все им рассказать...

Но ведь Адриан не может говорить!

Надо им как-то объяснить, что он не просто серый конь, а разумное существо. Ага, надо взять в зубы палочку и написать на песке... Но где взять песок?! Тут кругом трава или асфальт! Нет, надо узнать, где девчонки живут, и напротив их дома написать мелом на асфальте... А где раздобыть мел? И как писать — мел в зубах держать, что ли?!

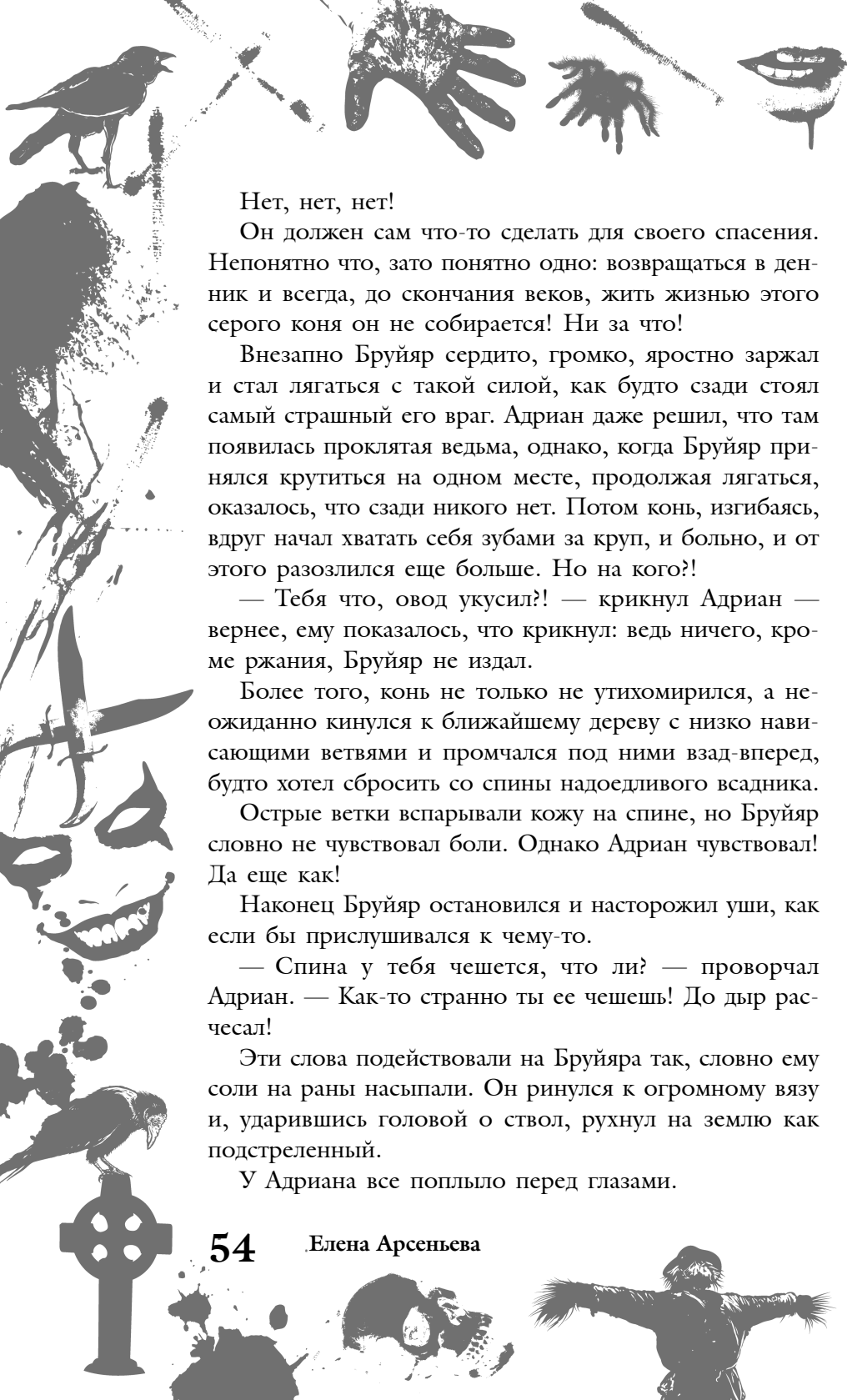
Может, найти много мелких палочек и выложить из них слова... что-то вроде «Я человек! Помогите!»?

Ну да, и его, даже если он разыщет столько палочек, в лучшем случае примут за дрессированного коня, потому что он все равно не сумеет объяснить, как ему помочь.

А может быть, дождаться приезда родителей? Они собирались в субботу вечером выехать из Парижа. Сегодня четверг. Ну, три дня как-то можно перетерпеть... И что? Появиться перед ними в виде коня и выкладывать палочками «Это я, Адриан!»? Да, наверняка родители поверят ему скорее, чем какие-то незнакомые девчонки. Но что они смогут сделать? Ладно, предположим, прочтут книгу... Предположим, найдут способ вернуть ему человеческое обличье...

Однако неизвестно, что с ним произойдет до субботы. А вдруг он до такой степени сроднится с Бруйяром, что вообще забудет, что когда-то был человеком? И перестанет думать как человек, и расхочет есть как человек?!

Нет, нет, нет!

Он должен сам что-то сделать для своего спасения. Непонятно что, зато понятно одно: возвращаться в денник и всегда, до скончания веков, жить жизнью этого серого коня он не собирается! Ни за что!

Внезапно Бруйяр сердито, громко, яростно заржал и стал лягаться с такой силой, как будто сзади стоял самый страшный его враг. Адриан даже решил, что там появилась проклятая ведьма, однако, когда Бруйяр принялся крутиться на одном месте, продолжая лягаться, оказалось, что сзади никого нет. Потом конь, изгибаясь, вдруг начал хватать себя зубами за круп, и больно, и от этого разозлился еще больше. Но на кого?!

— Тебя что, овод укусил?! — крикнул Адриан — вернее, ему показалось, что крикнул: ведь ничего, кроме ржания, Бруйяр не издал.

Более того, конь не только не утихомирился, а неожиданно кинулся к ближайшему дереву с низко нависающими ветвями и промчался под ними взад-вперед, будто хотел сбросить со спины надоедливово всадника.

Острые ветки вспарывали кожу на спине, но Бруйяр словно не чувствовал боли. Однако Адриан чувствовал! Да еще как!

Наконец Бруйяр остановился и насторожил уши, как если бы прислушивался к чему-то.

— Спина у тебя чешется, что ли? — проворчал Адриан. — Как-то странно ты ее чешешь! До дыр расчесал!

Эти слова подействовали на Бруйяра так, словно ему соли на раны насыпали. Он ринулся к огромному вязу и, ударившись головой о ствол, рухнул на землю как подстреленный.

У Адриана все поплыло перед глазами.

— Ты что, совсем с петель сорвался?! — простонал он, а в ответ Бруйяр издал едва слышное ржание — одновременно жалобное и сердитое.

И тут Адриан понял...

Он понял, что вовсе не от надоедливового всадника пытался избавиться конь, а от человека, который поселился внутри и пытается подчинить себе его, Бруйяра, мысли и желания. Бруйяр хочет во Френ, в конюшню — а человек не пускает! И Бруйяр спину себе в кровь изодрал, голову чуть не проломил — только бы избавиться от него!

— Ну ты и кретин! — разъярился Адриан. — Думаешь, я не хочу от тебя избавиться? Да знал бы как — уже давно был бы на воле, а не сидел в шкуре такого осла... надеюсь, не пожизненно!

Без сомнения, Бруйяр это понял и распалился с новой силой. Конь буквально превратился в клубок из шерсти, копыт, мышц — и ярости! Он крутился на месте, метался туда-сюда, выбрасывая задние ноги далеко назад и вытягиваясь в почти прямую линию; он несся вперед, взбрыкивал, резко останавливался — и то становился на дыбы, то сильно наклонялся вперед. Если бы у него на спине сидел всадник, шансов удержаться у наездника не было бы никаких!

Внезапно Бруйяр попятился, оседая на задние ноги, и Адриан увидел большую черную ворону, которая, зависнув в воздухе, махала крыльями прямо перед мордой коня, и карканье ее было похоже на злобный хохот. И в следующий миг это была уже черноволосая женщина в черном платье.

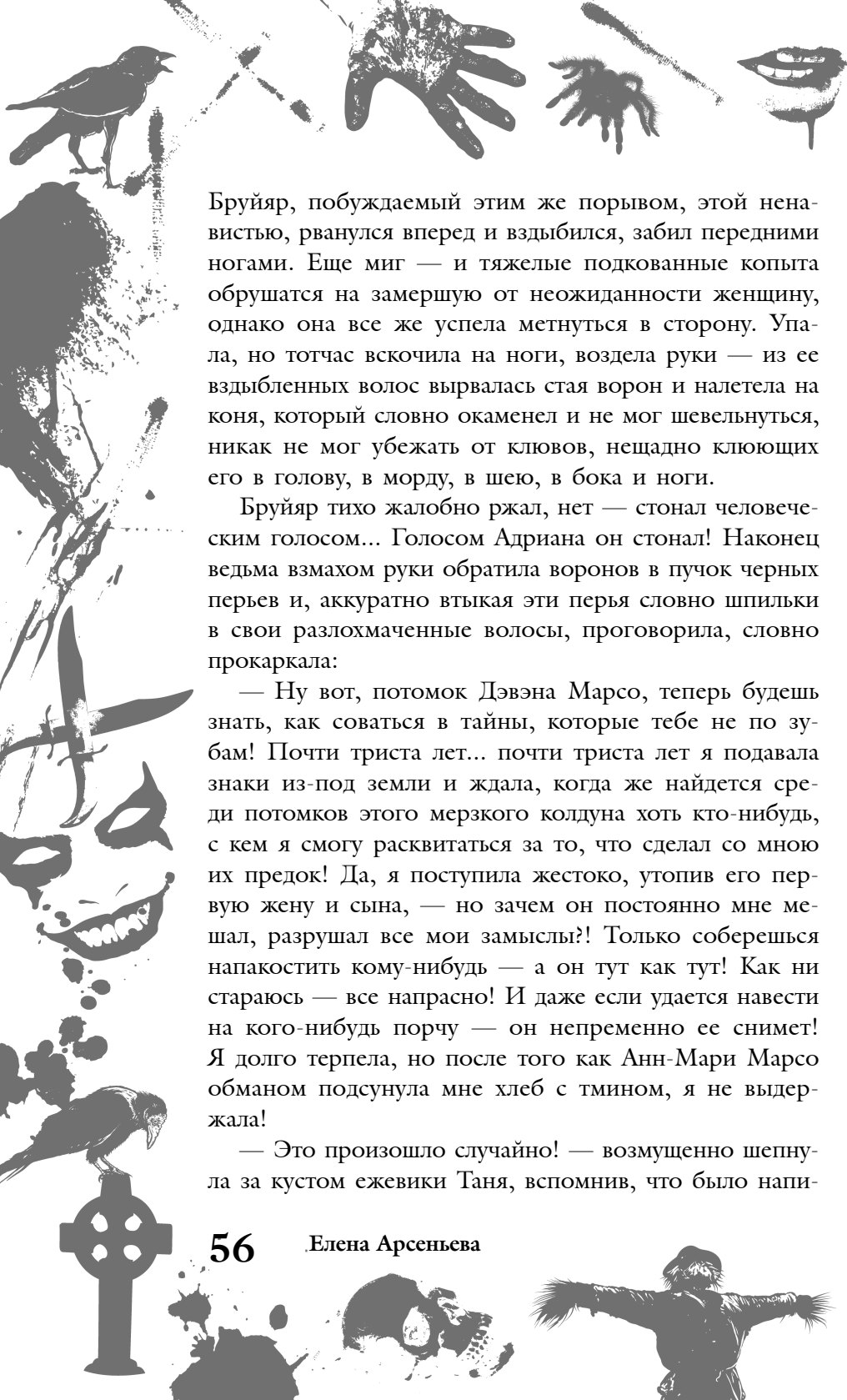
Ворона! Ведьма! Она, проклятая!

Адриан рванулся вперед так стремительно, что ему показалось: вот сейчас он и вырвется из тела коня.

Воронья ведьма

55

Бруйяр, побуждаемый этим же порывом, этой ненавистью, рванулся вперед и вздыбился, забил передними ногами. Еще миг — и тяжелые подкованные копыта обрушатся на замершую от неожиданности женщину, однако она все же успела метнуться в сторону. Упала, но тотчас вскочила на ноги, воздела руки — из ее вздыбленных волос вырвалась стая ворон и налетела на коня, который словно окаменел и не мог шевельнуться, никак не мог убежать от клювов, нещадно клюющих его в голову, в морду, в шею, в бока и ноги.

Бруйяр тихо жалобно ржал, нет — стонал человеческим голосом... Голосом Адриана он стонал! Наконец ведьма взмахом руки обратила воронов в пучок черных перьев и, аккуратно втыкая эти перья словно шпильки в свои разлохмаченные волосы, проговорила, словно прокаркала:

— Ну вот, потомок Дэвэна Марсо, теперь будешь знать, как соваться в тайны, которые тебе не по зубам! Почти триста лет... почти триста лет я подавала знаки из-под земли и ждала, когда же найдется среди потомков этого мерзкого колдуна хоть кто-нибудь, с кем я смогу расквитаться за то, что сделал со мною их предок! Да, я поступила жестоко, утопив его первую жену и сына, — но зачем он постоянно мне мешал, разрушал все мои замыслы?! Только соберешься напакостить кому-нибудь — а он тут как тут! Как ни стараюсь — все напрасно! И даже если удастся навести на кого-нибудь порчу — он непременно ее снимет! Я долго терпела, но после того как Анн-Мари Марсо обманом подсунула мне хлеб с тмином, я не выдержала!

— Это произошло случайно! — возмущенно шепнула за кустом ежевики Таня, вспомнив, что было напи-

сано в книге Доминика Съекля, но тут же спохватилась и испуганно зажала себе рот.

Однако ведьма все-таки что-то услышала и насторожилась... Огляделась, потом выдернула из волос черное перо и взмахом руки обратила его в ворону.

— Похоже, в лавуаре кто-то прячется, — прошипела Калиго, — лети туда и притащи мне этого мерзавца.

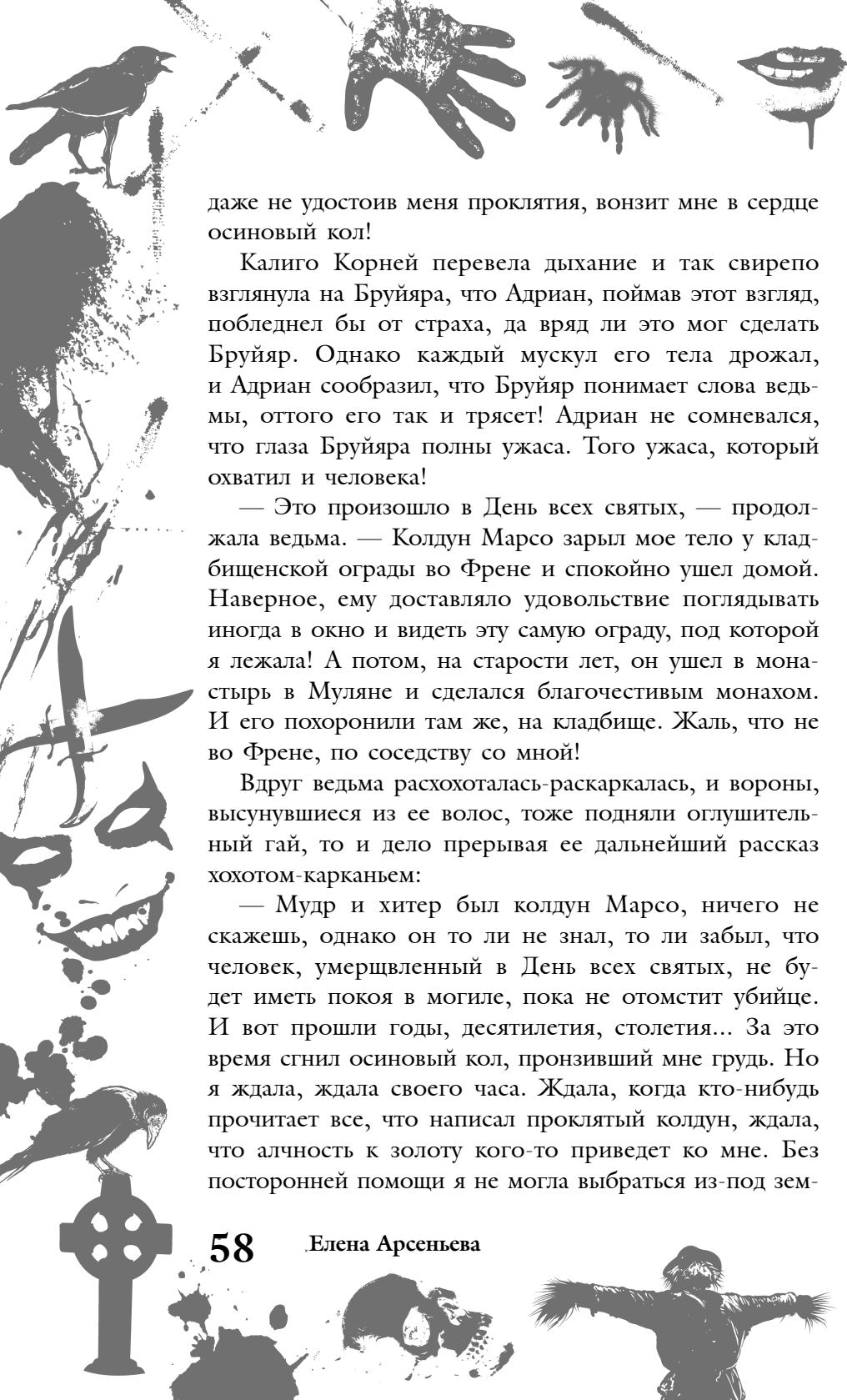
Раздался свист крыльев. Девочки вжались в землю, и через несколько ужасных мгновений, когда сестры уже прощались с жизнью, раздался недовольный голос Калиго Корней:

— Видимо, почудилось. Ладно, мне-то бояться нечего — пусть боится тот, кто осмелится сюда сунуться.

Девочки осторожно подняли головы и, переглянувшись, слабо улыбнулись. «Хорошо, что эта ворона такая тупая и послушная: одним словом, ворона, — одновременно подумали они. — Полетела прямо в лавуар, а поверни она чуть в сторону — нам бы не поздоровилось!»

— Догадаться, что именно я прикончила его семейку, колдуну Марсо помогли пауки, дружки его, — зло бросила Калиго Корней. — Однажды, когда я ночью бродила по кладбищу, чтобы сорвать черную траву, что растет на могилах, они налетели на своих паутинах, напоззли: всю меня паутиной оплели с ног до головы и всех птиц моих тоже. Ох, как же мне стало страшно! Человек, оплетенный паутиной, словно слышит мысли того, кто эту паутину сплел. Я узнала, что колдун Марсо записал все секреты своего колдовства, чтобы ничего не забыть и чтобы кто-нибудь из его потомков мог их прочесть. Он даже узнал о сокровищах, которые я некогда спрятала! Я не могла шевельнуться и обреченно ждала, когда Марсо подойдет и молча,

даже не удостоив меня проклятия, вонзит мне в сердце осиновый кол!

Калиго Корней перевела дыхание и так свирепо взглянула на Бруйяра, что Адриан, поймав этот взгляд, побледнел бы от страха, да вряд ли это мог сделать Бруйяр. Однако каждый мускул его тела дрожал, и Адриан сообразил, что Бруйяр понимает слова ведьмы, оттого его так и трясет! Адриан не сомневался, что глаза Бруйяра полны ужаса. Того ужаса, который охватил и человека!

— Это произошло в День всех святых, — продолжала ведьма. — Колдун Марсо зарыл мое тело у кладбищенской ограды во Френе и спокойно ушел домой. Наверное, ему доставляло удовольствие поглядывать иногда в окно и видеть эту самую ограду, под которой я лежала! А потом, на старости лет, он ушел в монастырь в Муляне и сделался благочестивым монахом. И его похоронили там же, на кладбище. Жаль, что не во Френе, по соседству со мной!

Вдруг ведьма расхохоталась-раскаркалась, и вороны, высунувшиеся из ее волос, тоже подняли оглушительный гай, то и дело прерывая ее дальнейший рассказ хохотом-карканьем:

— Мудр и хитер был колдун Марсо, ничего не скажешь, однако он то ли не знал, то ли забыл, что человек, умерщвленный в День всех святых, не будет иметь покоя в могиле, пока не отомстит убийце. И вот прошли годы, десятилетия, столетия... За это время сгнил осиновый кол, пронзивший мне грудь. Но я ждала, ждала своего часа. Ждала, когда кто-нибудь прочитает все, что написал проклятый колдун, ждала, что алчность к золоту кого-то приведет ко мне. Без посторонней помощи я не могла выбраться из-под зем-